

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

І Ю Л Ъ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки партизана Дениса Давыдова : воспоминанія о польской войнѣ 1831 года . . .	1	IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные П. Ф. Карабановымъ (87).
II. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг.: донесенія и письма. Сообщ. П. И. Врюки	39	2. Распоряженіе имп. Павла объ взятіи изъ употребленія пѣкаторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ другими. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (98).
III. Записки М. П. Липранди : Мнѣніе по такъ-называемому «Дѣлу Петрашевскаго». Сообщ. И. П. Липранди	70	V. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. томъ третій, части XVII и XVIII, письма 175—183: Бытъ русскаго дворянства 1774—1775 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь руб.**

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій, „Русской Старины“ 1872 г. осталось немного экземпляровъ, печатается второе изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

СМЕРТЬ А. С. ГРИБОЉДОВА.

Подробности трагической кончины безсмертнаго творца «Горе отъ Ума» до сихъ поръ весьма мало извѣстны; поэтому читатели «Русской Старины»—не безъ интереса прочтуть обязательно доставленную намъ предсѣдателемъ кавказской археографической комиссiи А. Берге настоящую статью; она вся состоитъ изъ документовъ, именно изъ нотъ, депешъ и донесенiй высшихъ правительственныхъ лицъ Россiи, Персiи и Англіи объ этомъ роковомъ событіи—и всѣ эти важные матеріалы впервые являютъся въ печати. Ред.

Туркменчайскій трактатъ, заключенный съ Персiею, положили конецъ непріязненнымъ отношенiямъ между нами и этою державой, ознаменовавшимъ первое двадцатипятилѣтіе русскаго владычества въ Закавказьѣ. Вслѣдъ за восстановленiемъ дружественныхъ сношенiй нашихъ, императоръ Николай, указомъ правительствующему сенату отъ 25 апрѣля 1828 года, учредилъ постъ полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ. Въ званіе министра былъ тогда же назначенъ ст. сов. Грибощдовъ, а консуломъ Н. С. Амбургеръ: оба они были уже болѣе или менѣе близко знакомы съ Персiей. Въ іюнѣ того же года Грибощдовъ оставилъ Петербургъ. На пути чрезъ Тифлисъ, онъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, а 30 января слѣдующаго 1829 года сдѣлался жертвою неожиданной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ посольствомъ въ Тегеранѣ: почти въ цѣломъ составѣ оно было умерщвлено разъяренною толпою персидской столицы. Столь неслыханное происшествiе не могло не нанести сильнаго удара достоинству Россiи, въ отношенiи которой такъ явно были нарушены международныя права; но помимо политическаго значенiя событіе это должно было невыразимо тяжело отозваться и среди всего образованнаго русскаго общества, которое въ лицѣ Грибощдова безвозвратно утратило творца безсмертой комедіи, служащей лучшимъ украшенiемъ и родной литературы и родной сцены. Вотъ почему извѣ-

стие о трагической его смерти произвело у насъ самое грустное и тяжелое впечатлѣніе. Между тѣмъ фактъ этотъ и по сію пору остается не вполне разъясненнымъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ событія 30 января 1829 г., заключаются въ сдѣланныхъ Ев. Серчевскимъ извлеченіяхъ изъ „Сѣверной Пчелы“ (1829 г., № 34), прибавленіяхъ къ „Сыну Отечества“ и „Сѣверному Архиву“ (1830 г., IX т., № 1) и въ переведенномъ имъ же изъ *Nouvelles annales des voyages* (XII ann. 1830, t. 48, de la collection et 18 de la 2 série, pag. 337—367) разсказъ персіянина, помѣщенномъ въ изданіи сочиненій Грибоѣдова. Разсказъ персіянина не лишенъ интереса, но, къ сожалѣнію, переведенъ крайне небрежно, въ особенности же искажены имена собственныхъ. Всѣ другія попавшія мнѣ свѣдѣнія сводятся къ стереотипной фразѣ: „Грибоѣдовъ погибъ жертвой неистовства тегеранской черни“, а подробности о его смерти и вовсе проходятся молчаніемъ. Официальныхъ свѣдѣній относительно даннаго событія, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати до сихъ поръ не появлялось. А это, по моему мнѣнію, составляетъ довольно важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, тѣмъ болѣе важный, что онъ непосредственно касается такой личности, какъ Грибоѣдовъ. Восполненіе этого-то пробѣла служить цѣлью настоящей статьи. Я обращаю въ ней прежде всего вниманіе на правительственные документы, а затѣмъ сообщу и тѣ данныя, которыя успѣлъ собрать въ Грузіи, равно и въ самой Персіи, гдѣ я провелъ 1853—1855 годы. Но пользуясь источниками отечественными, въ видахъ всесторонняго разъясненія истины, не могу не послѣдовать извѣстному изреченію: „*audiatur et altera pars*“, въ чему побуждаетъ меня еще и то важное обстоятельство, что занимающее насъ событіе совершилось на почвѣ Персіи. Итакъ, начнемъ съ источниковъ персидскихъ.

Лучшимъ и болѣе достовернымъ источникомъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить исторія Персіи, извѣстная подъ именемъ Роузетусефа ¹⁾ (садъ удовольствія), составленная Ризою-Кули, по повелѣнію нынѣ царствующаго Наср-эддин-шаха. Риза-Кули описываетъ дѣло такимъ образомъ: „Было условлено, чтобы заключенный между обѣими державами (туркменчайскій) трактатъ былъ переданъ черезъ довѣренныхъ посланниковъ двумъ государямъ: Фетх-Али-шаху и великому императору Николаю. На сей конецъ выборъ со стороны російскаго правительства палъ на генерала Грибоѣдова, племянника,

¹⁾ Подъ этимъ названіемъ извѣстна исторія Персіи, написанная Мирхондомъ, а Риза-Кули есть только ея продолжатель.

по сестрѣ, ген.-фельдм. Паскевича, главнокомандовавшаго въ Грузіи и на Кавказѣ, съ наименованіемъ его полномочнымъ министромъ высокаго російскаго двора. Министръ этотъ принималъ участіе въ войнѣ (съ Персіей) и находился при заключеніи трактата. До прибытія въ Тегеранъ онъ ѣздилъ въ Петербургъ по вопросу о дополнительныхъ статьяхъ трактата и тамъ получилъ настоящее назначеніе, съ порученіемъ доставить императорскіе подарки, состоявшіе въ хрустальномъ канделябрѣ и равной посудѣ изъ яшмы. По прибытіи Грибовѣдова изъ Петербурга въ Тифлисъ, наслѣдний принцъ (Аббас-Мирза) назначилъ къ нему михмандаромъ ¹⁾ Назаръ-Али-хана, Авшара Урмійскаго, который и сопровождалъ его оттуда до Тавриза съ большими почестями. Тамъ онъ имѣлъ аудіенцію у наслѣднаго принца, прожилъ въ этомъ городѣ съ мѣсяць, назначилъ консула и секретаря, и, не испросивъ согласія у персидскаго правительства, отправилъ также консула въ Гилянъ, послѣ чего, въ сопровожденіи михмандара, выѣхалъ въ Тегеранъ. Подѣзжая къ столицѣ 5 реджеба 1244 (1828) года, онъ былъ встрѣченъ Мирза-Мухаммед-Али-ханомъ Кашанскимъ, визиремъ принца Зилли-султана ²⁾ и Мухаммед-Вели-ханомъ Авшаромъ Касумлинскимъ, посланнымъ къ нему на встрѣчу по повелѣнію шаха. Въ сопровожденіи названныхъ сановниковъ, онъ въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ, отведенномъ ему близъ Шах-Абдул-азимскихъ воротъ. Нѣсколько времени спустя къ нему явились, по приказанію шаха, съ визитомъ: министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза-Абуль-Хасагъ-ханъ Ширазскій, Атлах-Кули-ханъ Каджаръ и Мирза-Фезл-Уллахъ-Мустоуфи. Послѣ обычнаго привѣтствія они выразили ему радость по случаю согласія и дружбы, установившихся между обѣими державами. Спустя дватри дня Грибовѣдовъ, согласно этикету, соблюдаемому при представленіи шаху турецкихъ и европейскихъ посланниковъ, былъ введенъ къ его величеству; при чемъ до вступленія въ аудіенц-залу его пригласили на нѣсколько минутъ въ кешикъ-ханэ ³⁾, со всею при этомъ вѣжливостію и приличіемъ. Но обрядъ этотъ разсердилъ Грибовѣдова,

¹⁾ Чиновникъ, посылаемый на границу государства для встрѣчи чужестранныхъ посланниковъ и другихъ членовъ дипломатическаго корпуса и для сопровожденія ихъ въ Тегеранъ или другой городъ Персіи. Обязанность его состоятъ въ наблюденіи за ихъ безопасностію и въ доставленіи имъ всевозможныхъ облегченій въ дорогѣ.
А. В.

²⁾ Т.-е. «тѣнь шаха», титулъ Али-шаха, сына Фетх-Али-шаха. Онъ при отцѣ былъ губернаторомъ Тегерана, а при Мамед-шахѣ бѣжалъ изъ Персіи.
А. В.

³⁾ Палатка тѣлохранителей.
А. В.

который, приписавъ его непочтительности къ сану посланника, сталъ выражаться дерзко и высокомерно.

„Я — составитель настоящей книги, хотя и находился тогда въ Фарсѣ и не былъ свидѣтелемъ этихъ происшествій, но слышалъ и читалъ въ разныхъ рукописяхъ, что Грибовдовъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія въ Азербейджанѣ, началъ держать себя непомерно гордо и неблагопристойно обращаться съ шахомъ, превышающимъ достоинствами китайскаго хакана и владѣтелей туркестанскихъ. Благоразумные и проникательные люди объясняли ему, что счастье избѣгаетъ нерѣдко и царямъ, при чемъ указывали на неудачи Петра Великаго противъ турокъ и Карла XII, и что въ виду этого именно обстоятельства посланникамъ подобаеъ сохранять къ вѣщеносцамъ вѣжливость и почтительность. Но совѣты не принимались и Грибовдовъ не перемѣнилъ поведенія; вельможи же молчали и его дерзости скрывали отъ шаха. Я слышалъ, что онъ однажды, идя къ его величеству, не снялъ галошъ даже на томъ священномъ мѣстѣ, на которомъ совершается лобызаніе великихъ царей, забывъ, что въ коранѣ говорится Моусею: „скинь сандалии, ибо ты въ священномъ мѣстѣ ¹⁾“.

„Въ переговорахъ Грибовдовъ также былъ дерзокъ. Несмотря на все это, шахъ, превышающій достоинствомъ Афрасіаба ²⁾, а мудростью Пирана ³⁾, не переставалъ обходиться съ нимъ кротко и благосклонно. Сановники нѣсколько разъ и наединѣ высказывали Грибовдову, что его обхожденіе съ шахомъ неприлично; но все было тщетно. Шахъ же, во вниманіе къ тому, что онъ министр русскаго императора и принималъ участіе въ заключеніи трактата; что онъ гость высокаго двора и наконецъ въ виду изреченія пророка: „читите вашихъ гостей, хотя бы они были и гяуры“, не обращалъ вниманія на предосудительное поведеніе Грибовдова.

„Спустя нѣсколько дней случилось, что одинъ изъ евнуховъ шахскаго гарема, Якубъ, задолжавшій казнѣ знатную сумму, желая избавиться требованій правительства и основываясь на XIII ст. мирнаго трактата (туркменчайскаго), по смыслу которой всѣ плѣнные должны быть возвращены, отдался подъ покровительство русскаго посольства. Названный Якубъ, изъ эриванскихъ армянъ, былъ взятъ въ плѣнъ персіянами. Считаю себя, на основаніи приведенной статьи,

¹⁾ Гл. XX, ст. 12. Это мѣсто въ коранѣ заимствовано изъ 2-й книги Моисея Исходъ, глава III ст. 5.

Царь Турана.

А. В.

А. В.

²⁾ Визирь Афрасіаба, прославившійся своею мудростью.

А. В.

свободнымъ, онъ началъ сообщать министру имена грузинскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ; изъ послѣднихъ многія состояли въ замужествѣ за разными лицами и имѣли дѣтей. Несмотря на это, равно и на то, что возвращеніе ихъ не только было трудно, но по правиламъ ислама даже позорно, нѣкоторыя жены были выданы Грибоѣдову. Въ числѣ прочихъ онъ задержалъ двухъ грузинокъ, перешедшихъ въ мусульманство и жившихъ въ домѣ Аллах-Яр-хана Асиф-уд-доулэ ¹⁾, которыя, не желая возвратиться къ христіанству, подали въ этомъ смыслѣ жалобу тегеранскимъ улемамъ. Но не ограничиваясь этими (женщинами), Грибоѣдовъ посылалъ Якуба съ своими людьми въ разные дома отыскивать плѣнницъ и забирать ихъ силою. Такая мѣра возбудила въ народѣ сильное волненіе. Улемы же и муджтехиды ²⁾, къ которымъ безпрестанно поступали жалобы, вида равнодушіе правительства къ дѣйствіямъ Грибоѣдова, заподозрили шаха въ потворствѣ. Тогда у нихъ и у казіевъ, шейховъ и сеидовъ ³⁾ заговорило чувство религіозной ревности, и было положено идти противъ министра. Они послали сказать ему, что если они и не имѣютъ права вмѣшиваться въ мирныя соглашенія обоихъ правительствъ, то обязаны нарушить молчаніе, когда дѣло касается основныхъ началъ шаріата; основы же ислама поколеблены, коль скоро результатъ трактата состоитъ въ томъ, чтобы плѣнныя въ Грузіи женщины были силою отбираемы у мусульманъ. „Мы, говорили они, какъ представители нашей религіи, согласно ея велѣніямъ, не можемъ оставаться равнодушными къ мѣрѣ, которая впоследствии повлечетъ за собою народное возстаніе“. Когда посланные явились къ Грибоѣдову съ подобными доводами, онъ вспыхнулъ, и осыпавъ ихъ бранью и угрозами, отпустилъ, не давъ удовлетворительнаго отвѣта.

„Послѣ того улемы и сеиды собрались въ Тегеранской соборной мечети, гдѣ къ нимъ присоединился муджтехидъ Хаджи-Мирза-Месихъ, и съ общаго согласія рѣшили возстать противъ министра. Къ нимъ примкнула большая часть городского населенія и скоро толпа

¹⁾ Аллах-Яр-ханъ, одинъ изъ первостепенныхъ хановъ Юхарп-баша, — колѣна каджарскаго племени, къ которому принадлежитъ нынѣ царствующая въ Персіи династія, ведущая свой родъ отъ ашага-баша, другого колѣна того же племени. Онъ былъ родной дядя (по матери) Мамед-шаха, сына Аббас-Мирзы и преемника Фетх-Али-шаха.

А. В.

²⁾ Высшее духовное лицо въ шитской іерархіи.

А. В.

³⁾ Казій — судья; шейхъ — старецъ, лицо, пользующееся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и образу жизни, староста при мечети; сеидъ — потомокъ Мухаммеда.

А. В.

недовольныхъ, увеличившаяся прибывавшими изъ окрестностей поселянами, достигла нѣсколькихъ тысячъ, такъ что дальнѣйшій ходъ дѣла былъ уже внѣ власти правительства и улемовъ. Первому трудно было бороться противъ 100 т. сборища, которое, постоянно усиливаясь, приняло грозный видъ и, наконецъ, хлынувъ въ домъ Грибоѣдова, окружило его. Принцы и другіе вельможи, посланные шахомъ, чтобы уговорить толпу не предпринимать ничего опаснаго, возвратились безъ успѣха; она рѣшительно объявила, что если правительство станетъ ей препятствовать, она обратится противъ самого шаха. Между тѣмъ, посланникъ со всей миссіей, въ числѣ около 200 чел., заперся и взялся за оружіе; нѣкоторые же взобрались на крышу и начали стрѣлять, при чемъ убили изъ толпы 14-ти-лѣтняго мальчика. Увидя это, народъ съ оружіемъ въ рукахъ осадилъ посольскій домъ. Тогда Грибоѣдовъ приказалъ Якубу выдти къ толпѣ, которая тутъ же его изрубила и отрубила ему голову. Затѣмъ высланы были двѣ грузинки: ихъ тотчасъ же возвратили въ гаремъ. Изъ мусульманъ было убито 80 чел. Когда же нѣкоторые изъ толпы бросились на крышу посольскаго дома, принцъ Зилли-султанъ и др., снова обратились къ народу съ увѣщаніемъ, но все было тщетно. Грибоѣдовъ, съ 37-ю товарищами, былъ убитъ, а домъ разграбленъ и разрушенъ; толпа же разошлась въ разныя стороны и никто не зналъ, откуда она взялась и куда скрылась; изъ зачинщиковъ же и убійцъ никто не былъ открытъ. Секретарь Мальцовъ, при самомъ началѣ дѣла, скрылся у одного мусульманина и спасся. Онъ былъ призванъ къ шаху и осыпанъ его милостями.

„Правительство начало размышлять объ этой страшной катастрофѣ, при чемъ распорядилось о преданіи землѣ убиенныхъ на кладбищѣ тегеранскихъ церквей, а секретаря Мальцова, въ сопровожденіи Назар-Али-хана Авшара и съ почестями, отправило въ Тавризъ. Тамъ онъ лично подтвердилъ наслѣдному принцу (Аббас-Мирзѣ) всѣ ошибки Грибоѣдова“.

Такъ повѣствуетъ объ умерщвленіи нашего посольства персидскій историкъ. Не вдаваясь въ критическую оцѣнку подробностей, заключающихся въ приведенномъ отрывкѣ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи, замѣтимъ лишь, что, судя по сущности разсказа, причины постигшаго нашу миссію несчастія сводятся:

во-1-хъ, къ отсутствію въ Грибоѣдовѣ знакомства съ требуемыми этикетомъ и незнанію имъ мѣстныхъ обычаевъ;

во-2-хъ, къ участию, принятому въ евнухъ Якубъ, и

въ-3-хъ, къ укрывательству у себя женщинъ.

Послѣднія два обвиненія, о которыхъ будетъ сказано ниже, сфр-

ведливъ. Что же касается перваго, то оно вполне опровергается сколько личными качествами Александра Сергѣевича, столько же и тѣмъ близкимъ знакомствомъ его съ языкомъ, правами и обычаями Персін, изученію которыхъ онъ посвятилъ многіе годы. Но безпристрастное изображеніе событій настолько же мыслимо въ каждомъ персидскомъ повѣствователѣ, сколько всѣмъ вообще персіанамъ присуще самохвальство и хвастовство,—врожденные качества этой націи.

Обратимся къ нашимъ документамъ.

Умерщвленіе русскаго посольства совершилось, какъ извѣстно, 30-го января 1829 года. Кромѣ Александра Сергѣевича, въ числѣ убитыхъ были: 2-й секретарь, протоколистъ Аделунгъ, шт.-кап. Шах-Назаровъ, канцеляристъ кн. Кобуловъ, переводчикъ кн. Соломонъ Меликовъ, ординаторъ эриванскаго госпиталя Мальмбергъ, грузинъ Ростомъ, Дадаш-бекъ, камердинеръ Александръ Дмитріевъ, поваръ Яковъ Захаровъ и пр., всего съ казаками 37 человекъ. Спасся только 1-й секретарь, тит. сов. Мальцовъ.

Извѣстіе о злополучной участи русскаго посольства быстро распространилось по Персін, откуда слухи не замедлили проникнуть и въ Закавказье. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они принимались недоувѣрливо, какъ вымыселъ, или вѣрнѣе сплетня, столько свойственная увлекающемуся воображенію восточнаго человека. Такъ военно-пограничный начальникъ въ Кахетіи генераль-майоръ Раевскій, отъ 26-го февраля, доносилъ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса гр. Паскевичу:

„Честь имѣю донести вашему сіятельству, что въ Дагестанѣ распространились слухи о разрывѣ Персін съ Россіей и о умерщвленіи нашего посланника въ Тегеранѣ. Я еще не знаю, если сіи извѣстія нечаянно распространились, или намѣреніемъ распушены муллами и хаджами¹⁾. Я обратилъ всѣ свои старанія, чтобы уничтожить сіи ложные слухи предъ выступленіемъ нашихъ войскъ за границу, и дабы они не препятствовали набору лезгинскаго ополченія“.

Въ другихъ же мѣстахъ слухи передавались въ преувеличенномъ видѣ: „Изъ-заграницы“, доносилъ графу Паскевичу управляющій Карабагомъ майоръ Калачевскій: „безпрестанно привозятся свѣдѣнія, что полномочный нашъ министръ при дворѣ персидскомъ казненъ, по приказанію шаха“.

Въ такомъ видѣ слухи доходили и до Тифлиса. Первое, болѣе подробное и обстоятельное донесеніе о событіяхъ 30 января графъ Паскевичъ получилъ отъ нашего генеральнаго консула Амбургера, который отъ 8 февраля писалъ:

¹⁾ Хаджи — мусульманинъ, совершившій путешествіе въ Мекку. А. В.

„Сегодняшняго утра прибылъ сюда человекъ Мирза-Муса-хана, который привезъ извѣстія изъ Тегерана о случившемся тамъ ужасномъ происшествіи. Кажется, что духовенство тегеранское было главною причиною возмущенія, содѣлавшаго нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо въ главной мечети провозглашали сборъ правовѣрныхъ. Злополучный Александръ Сергѣевичъ сдѣлался жертвою своей храбрости. Услышавъ шумъ, выбѣжалъ съ обнаженною саблею въ рукѣ, и въ то самое мгновеніе былъ пораженъ брошеннымъ камнемъ. Онъ палъ отъ удара, ворвавшаяся толпа совершила его ужасную участь! Покой душѣ его! Всѣ люди тутъ бросились къ нему и всѣ пали жертвою остервенѣлой черни.

„Все имущество ограблено кровопійцами, и домъ, данный министру шахомъ, совершенно разрушенъ ¹⁾).

„Самъ шахъ заперся въ аркъ и окружился своимъ войскомъ. Чернь цѣлый день носилась по городу и еще не извѣстно, какія другія неистовства произвела. Али-шахъ только съ величайшимъ усиленіемъ могъ пробиться до дома министра; нѣсколько феррашей и и насакіевъ ²⁾ его при семъ были убиты. Отъ Мальцова все еще нѣтъ сообщеній и до полученія оныхъ, какъ происходящихъ отъ очевидца, невозможно ручаться за справедливость получаемыхъ извѣстій. Наибѣ-султанъ ³⁾ въ отчаяніи; при первомъ послѣ сего неимовѣрнаго злодѣйства свиданіи со мною, сказалъ онъ мнѣ: „Не знаю, какая злополучная судьба преслѣдуетъ меня! Только что успѣлъ я чрезвычайными стараніями и жертвами возстановить дружбу между Россією и Персією, сіе ужасное смертоубійство, Иранъ навсегда запятнавшее, разрушаетъ то, чего съ такимъ трудомъ достигъ. Да будетъ проклятъ Иранъ и самовольные жители его! клянусь тѣмъ Богомъ, въ котораго мы оба вѣруемъ, ибо Онъ единъ, что я былъ бы радъ замѣнить пролитую кровь кровью моихъ женъ и дѣтей. Что мнѣ сказать про шаха? продолжалъ онъ; бранить его не смѣю, молчать же о его слабости не могу. И это шахъ? не выходитъ изъ своего гарема и не думаетъ о приведеніи въ послушаніе и въ порядокъ своихъ подданныхъ! я не знаю, куда мнѣ дѣться отъ стыда“.

„Каймакамъ ⁴⁾ также глубоко чувствуетъ ужасъ происшедшаго. Онъ самъ вызвался съ Мамед-Мирзою ѣхать въ Тифлисъ, говоря, что

¹⁾ Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоводъ, помѣщалась верблюжья артиллерія. А. В.

²⁾ Ферраши — ставщики палатокъ, шахская стража; пасакчи — стража, предшествующая шаху во время выходовъ его изъ дворца. А. В.

³⁾ Наслѣдникъ престола. А. В.

⁴⁾ Мирза Безюргъ. А. В.

оба они готовы смыть своею кровью пятно, сдѣланное Персiи симъ немовѣрныиъ влодѣяніемъ. Онъ показывалъ мнѣ письма, въ которыхъ Аббас-Мирза пишетъ къ Али-шаху, чтобы онъ немедленно наставлялъ у шаха приказать схватить главныхъ зачинщиковъ и прислать ихъ въ Тифлисъ.

„Я настаивалъ, чтобы тѣла министра и чиновниковъ, падшихъ жертвою кровопійцы, были высланы въ Тифлисъ; и о семъ было писано въ Тегеранъ..

„Супругу министра я успѣлъ уговорить, не открывая ей о несчастной участи ея супруга, слѣдовать въ Тифлисъ, къ чему не мало способствовало полученное ею письмо отъ своей родительницы, которая ее приглашаетъ къ себѣ“.

Одновременно съ донесеніемъ Амбургера, графъ Паскевичъ получилъ изъ Тавриза письмо отъ Макдональда, англійскаго посла въ Персiи, помѣченное тѣмъ же числомъ, слѣдующаго содержанія:

(Переводъ). „Изъ полученнаго мною вчера отъ его королевскаго высочества (Аббас-Мирзы) письма, съ коего у сего прилагается копія, я впервые извѣдился объ ужасахъ въ Тегеранѣ и имѣю честь выразить вамъ мое глубокое и искреннее соболѣзнованіе, по случаю этой неслыханной катастрофы, событія обильнаго несчастіями, ввергшаго въ глубокую скорбь нѣсколько уважаемыхъ семействъ и лишившаго его императорскаго величества слуги даровитаго, ревностнаго и достойнаго, а ваше превосходительство, а равно и меня, любимаго и уважаемаго друга.

„По случаю отдаленности мѣста и за неполученіемъ до нынѣ подробныхъ свѣдѣній, я не могу представить другихъ разъясненій обстоятельствъ, вызвавшихъ такое ужасное нарушеніе народнаго права, кромѣ полученныхъ уже вами или имѣющихъ получиться отъ г. Амбургера и отъ его превосходительства каймакама, немедленно отпра-

(Подлинникъ). La copie de la lettre ci-jointe que j'ai reçue hier de S. A. R. de Perse m'a appris pour la première fois les horreurs qui ont eu lieu à Téhéran, et j'ai l'honneur de Vous offrir l'assurance de ma condoléance profonde et sincère sur cette catastrophe inouïe; événement fertile en malheur public autant que privé qui a plongé dans la plus profonde douleur plusieurs familles aimables, enlevé à Sa Majesté Impériale un serviteur habile, zélé et distingué, et privé V. E. non moins que moi d'un ami à la fois chéri, estimé et affectonné.

A cette distance de la scène et avec l'information peu détaillé que jusqu'à présent je possède, il m'est impossible de fournir d'autres éclaircissements sur les circonstances qui ont produit cette infraction atroce du droit des gens, outre ceux que Vous avez déjà reçus ou que Vous devrez recevoir de M. Ambourger et S. E. le Kaïm-makam qui doit partir incessamment pour Tiflis. Mais tout obscurément que la chose se présente à moi, je n'hésite guère à déclarer

ляющагося въ Тифлисѣ. Но какъ неясно ни представлялось бы мнѣ дѣло это, я, не колеблясь, выскажу мнѣніе свое, основанное на знаніи шахскаго нрава и на результатахъ моихъ разслѣдованій о поводахъ къ этому грустному событію, что ни шахъ и никто изъ его министровъ непричастны дѣлу, которое всецѣло должно быть приписано свирѣпой и внезапной вспышкѣ народнаго неистовства, которое правительство не могло во-время утушить, дабы предупредить преступленіе, которое навсегда и неизгладимо обезчестило національный духъ и доказало несостоятельность ихъ правительства.

„Что касается Аббас-Мирзы, то я не допускаю, что его кто-либо могъ залодозрить, не исключая и тѣхъ, которые составили себѣ о немъ самое дурное мнѣніе. Разстояніе между Тавризомъ и Тегераномъ, его скорбь и изумленіе, его поспѣшность при отправленіи въ качествѣ депутатовъ, старшаго его сына и ваймакама, для представленія вашему августѣйшему монарху всевозможныхъ удовлетвореній, суть сильныя и неотразимыя доказательства полной его невинности. Но какъ г. Амбургеръ безъ сомнѣнія уже довелъ до вашего свѣдѣнія, еще задолго до полученія настоящаго письма, обо всѣхъ подробностяхъ этого грустнаго событія, то, по моему мнѣнію, было бы бесполезно и я переступилъ бы границы усердія, если бы болѣе останавливался на предметѣ, къ которому никто не можетъ отнестись безъ омерзѣнія и ужаса.

mon opinion fondée sur ma connaissance du caractère du Schah et sur les résultats des recherches que j'ai faites sur l'origine de cet événement malheureux, que ni Sa Majesté—ni aucuns de ses ministres peut être avec raison accusé d'avoir participé à un fait, que l'on doit entièrement attribuer à une effervescence féroce et subite de la phrénésie populaire et que le gouvernement ne pouvait dompter assez-tôt pour empêcher la consommation d'un crime qui restera toujours une tâche ineffaçable sur le caractère national et une preuve de l'inefficacité pitoyable de leur gouvernement.

Quant à s. a. r. Abbas-Mirza je ne crois pas que des soupçons puissent s'attacher à lui, même de la part de ceux qui ont la plus mauvaise opinion de lui. La distance entre Tebriz et Téhéran, sa douleur et consternation, sa promptitude à députer son fils aîné et son ministre le Kalm-makam pour offrir à Votre Auguste Souverain tout expiation et réparation qu'il peut donner, sont des témoignages à la fois forts et irrécusables de son innocence entière. Mais comme M. Ambourger aura sans doute, longtems avant que cette lettre pourra Vous atteindre, porté à la connaissance de V. E. tous les détails de cet événement fâcheux, il serait à mon avis inutile et l'on pourrait même me trouver officieux si je m'arrétais plus à un sujet que personne ne peut contempler sans éprouver en même tems l'horreur et l'épouvante.

La pauvre madame Griboyédof, ignorante encore le malheur irréparable qu'elle vient d'essayer dans la perte du mari le plus aimable et affectionné, est

„Вѣдная г-жа Грибоѣдова, невѣдающая еще о невознагради́момъ несчастіи, которое она понесла съ потерей мужа, имѣетъ пребываніе у насъ, гдѣ, какъ ваше превосходительство, такъ и скорбящіе родители ея могутъ быть увѣрены, не оставятъ приложить всѣ заботы и все вниманіе до устройства будущаго ея положенія.

„Если я буду такъ счастливъ, что успѣю убѣдить ее отправиться вмѣстѣ съ г. Амбургеромъ въ Тифлисъ (что въ ея положеніи есть самое спасительное средство, какое она можетъ избрать), то въ предупрежденіе всякой случайности въ теперешнемъ ея положеніи, не оставлю поручить одному изъ состоящихъ при мнѣ медиковъ имѣть за нею неослабное наблюденіе до сдачи ея на руки роднымъ или тѣмъ, кому будетъ поручено озаботиться о доставленіи ея къ нимъ.

„Чтобы открыто и разительнѣе выразить ужасъ и безграничную печаль мою по случаю означенной катастрофы, я изъяснилъ членамъ моей миссіи и всѣмъ пребывающимъ нынѣ въ Персіи великобританскимъ подданнымъ мое желаніе, дабы они наложили на себя трауръ на два мѣсяца. Затѣмъ я счелъ долгомъ открыто и формально протестовать противъ поступка, одинаково враждебнаго интересамъ всякой цивилизованной націи.

„Испытывая нѣкоторое опасеніе относительно безопасности г. Мальцова, я намѣренъ отправить капитана Макдональда въ Тегеранъ, дабы избавить г. Мальцова отъ всякой могущей ему приключиться обиды

à présent domiciliée chez nous, où V. E. et ses parents affligés peuvent s'assurer que tout soin et attention lui seront prêtés jusqu'à ce que l'on aura arrangé sa destination future.

Si nous sommes assez heureux pour pouvoir la décidée à se rendre avec m-r Ambourger à Tiflis (ce qui serait dans les circonstances de sa position malheureuse la mesure la plus salutaire qu'elle puisse adopter) je tâcherai pour prévenir tout accident incident à son état actuel de la faire soigner par un des médecins attachés à cette Mission, jusqu'à ce qu'elle sera remise entre les mains de sa famille ou des personnes auxquelles ils confieront le soin de la conduire chez eux.

Pour marquer de la manière la plus publique et la plus frappante mon horreur et regret sans bornes de cette catastrophe épouvantable, j'ai annoncé aux membres de cette Mission, aussi bien qu'à tout sujet Britannique qui se trouve actuellement en Perse, mon désir qu'ils portent le deuil pendant deux mois. Ensuite je l'ai cru de mon devoir de faire une protestation solennelle et formelle contre un acte qui est également hostile aux intérêts de toute nation civilisée.

Comme j'éprouve des craintes un peu vives pour le salut de m-r Maltzof, j'ai l'intention d'expédier m-r le capitaine Macdonald en poste à Téhéran pour délivrer m-r Maltzof du risque d'insulte ou de molestation ultérieure et pour le reconduire à Tébriz. Cette mesure j'espère sera agréé de V. E. Elle n'a été acceptée qu'avec le consentement et le concours de m-r Ambourger.

или дальнѣйшаго оскорбленія и сопровождать его въ Тавризъ. Мѣра эта, я надѣюсь, будетъ одобрена вашимъ превосходительствомъ; она принята съ согласія и при содѣйствіи г. Амбургера.“

Но всѣ эти извѣстія исходили изъ источниковъ персидскихъ и потому ихъ надо было принимать съ большою осторожностью. Ближе всего должны были разъяснить происшествіе показанія Мальцова, но онъ могъ представить ихъ только по прибытіи въ Нахичевань, откуда отъ 18-го марта и доносилъ гр. Паскевичу:

„Наконецъ, достигъ я до границы нашей и могу имѣть честь донести вашему сіятельству объ участи російскаго посольства, при персидскомъ дворѣ находившагося. Доселѣ не имѣлъ я никакой возможности исполнить сію обязанность, ибо въ Тегеранѣ былъ содержимъ, въ продолженіе 3-хъ недѣль, подъ карауломъ и потомъ съ коннымъ конвоемъ провожаемъ до самой границы; я не имѣлъ при себѣ цифири и слѣдовательно не могъ ввѣрить бумагъ своихъ какому-нибудь персидскому курьеру.

„Въ Тегеранѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному европейцу. Послѣ первой аудіенціи у шаха, при которой соблюдены были всѣ постановленія существующаго церемоніала и великолѣпныхъ угощеній, дѣланныхъ намъ, по приказанію шаха, тамошними вельможами, посланникъ имѣлъ приватную аудіенцію у его высочества. Шахъ обошелся съ нимъ весьма ласково; говорилъ ему: „Вы мой эминъ, мой визирь, всѣ визири мои ваши слуги; во всѣхъ дѣлахъ вашихъ адресуйтеся прямо къ шаху, шахъ вамъ ни въ чемъ не откажетъ“, и много подобныхъ вѣжливостей, на которыя персіяне щедры въ обратной пропорціи скупости своей на все прочее.

„Все, что посланникъ требовалъ, было безъ отлагательства исполнено, а именно: послѣдовалъ строжайшій фирманъ на имя Яхья-Мирзы, воспреещающій въ Рештѣ всѣ притѣсненія, дѣлаемые тамъ нашимъ промышленникамъ, о которыхъ ваше сіятельство изволили писать къ посланнику, и таковой же на имя казвинскаго шахзаде ¹⁾, повелѣвающій ему освободить всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ домѣ бывшаго сердаря эриванскаго Хусейн-хана. Шахъ прислалъ посланнику подарки и орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а прочимъ чиновникамъ тотъ же орденъ 2-й и 3-й степени. Грибовдовъ собирался ѣхать въ Тавризъ, а для сношеній съ министерствомъ шаха и для представленія его высочеству подарковъ отъ нашего двора оставлялъ меня въ Тегеранѣ; онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха; лошади и катера были готовы къ

¹⁾ Принцъ крови.

отъѣзду, какъ вдругъ неожиданный случай далъ дѣламъ нашимъ совсѣмъ иной оборотъ и посѣялъ сѣмя бѣдственнаго раздора съ персидскимъ правительствомъ.

„Нѣкто Ходжа-Мирза-Якубъ, служившій болѣе 15-ти лѣтъ при гаремѣ шахскомъ, пришелъ вечеромъ къ посланнику и объявилъ ему желаніе возвратиться въ Эривань ¹⁾, свое отечество. Грибоѣдовъ сказалъ ему, что ночью прибѣжища себѣ ищутъ только воры, что министръ русскаго императора оказываетъ покровительство свое гласно, на основаніи трактата, и что тѣ, которые имѣютъ до него дѣло, должны прибѣгать къ нему явно, днемъ, а не ночью. Мирза-Якубъ былъ отосланъ съ феррашами въ домъ свой, съ увѣреніемъ, что персіяне не осмѣлятся сдѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія.

„На другой день онъ опять пришелъ къ посланнику съ тою же просьбою; посланникъ уговаривалъ его остаться въ Тегеранѣ, представлялъ ему, что онъ здѣсь знатный человѣкъ, занимаетъ второе мѣсто въ эндерувѣ ²⁾ шахскомъ, между тѣмъ какъ у насъ онъ совершенно ничего значить не можетъ и т. п.; но усмотрѣвъ твердое намѣреніе Мирзы-Якуба ѣхать въ Эривань, онъ принялъ его въ домъ миссіи, дабы вывезти съ собою въ Тавризъ, а оттуда, на основаніи трактата, отправить въ Эривань. Грибоѣдовъ послалъ человѣка взять оставшееся въ дѣмѣ Мирзы-Якуба имущество, но когда вещи были уже навьючены, пришли ферраши Манучехр-хана ³⁾, которые увели катеровъ и выюки Мирзы-Якуба къ своему господину.

„Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возопилъ, какъ будто бы случилось величайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; они говорили, что ходжа (евнухъ) то же, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отналъ жену у шаха изъ его эндеруна. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Мирза-Якубъ, на основаніи трактата, теперь русскій подданный, и что посланникъ русскій не имѣетъ права выдать его, ни отказать ему въ своемъ покровительствѣ. Персіяне, увидѣвъ, что они ничего не возьмутъ убѣдительною своею логикою, прибѣгли къ другому средству; они взвели огромныя денежныя требованія на Мирзу-Якуба и сказали, что онъ обворовалъ казну шаха и потому отпущенъ быть не можетъ. Для приведенія въ ясность сего дѣла,

¹⁾ Якубъ — житель г. Эривани, изъ фамиліи Маркарьянъ. А. В.

²⁾ Внутренніе покои у мусульманъ. А. В.

³⁾ Изъ тифлисскихъ армянъ, изъ фамиліи Ениколоповыхъ, впослѣдствіи правитель Испагана. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ персіянами при Эривани, во время управленія Закавказьемъ кн. Цицианова, привезенъ въ Персію и освобожденъ въ Тавризѣ. А. В.

Грибовдовъ отправилъ его вмѣстѣ съ переводчикомъ Шах-Назаровымъ къ Манучехр-хану. Комната была наполнена ходжами, которые ругали Мирзу-Якуба и плевали ему въ лицо. „Точно, я виноватъ, говорилъ Мирза-Якубъ Манучехр-хану: виноватъ, что первый отхожу отъ шаха; но ты самъ скоро за мною послѣдуешь“. Такимъ образомъ, въ этотъ разъ, кромѣ ругательства, ничего не послѣдовало.

„Шаху угодно было, чтобы духовный судъ разобралъ дѣло; посланникъ на это согласился и отправилъ меня, чтобы я протестовалъ въ случаѣ противузаконнаго рѣшенія. Съ Мирзой-Якубомъ и переводчикомъ прѣхалъ я въ домъ шаро (духовнаго суда) и объявилъ Манучехр-хану, что буде кто-либо позволить себѣ по прежнему какою-нибудь ругательство въ моемъ присутствіи, то я этого не стерплю, кончу переговоры, уведу съ собою Мирзу-Якуба и они болѣе его никогда не увидятъ; что я, съ своей стороны, ручаюсь ему, что Мирза-Якубъ также не скажетъ никому обиднаго слова.— „Мирза-Якубъ долженъ казначею шахскому нѣсколько тысячъ тумановъ, сказалъ мнѣ Манучехр-ханъ: неужели теперь эти деньги должны пропасть?“ Я отвѣчалъ ему, что Мирза-Якубъ объявилъ посланнику, что онъ никому не долженъ здѣсь гроша, и что слѣдовательно должно представить законные документы, и буде есть дѣйствительные векселя, т.-е. засвидѣтельствованные въ свое время у хакима, онъ принужденъ будетъ удовлетворить Зураб-хана.— „Такихъ документовъ нѣтъ, но есть росписки, свидѣтели“.— На основаніи трактата, сказалъ я, извѣстно вашему высокостепенству, что такіа росписки и словесныя показанія, буде самъ должникъ не признаетъ ихъ справедливыми, въ денежныхъ дѣлахъ не имѣютъ никакой силы; точно, Мирза-Якубъ получалъ деньги отъ Зураб-хана, но онъ былъ казначеемъ въ эндерунѣ и имѣлъ отъ шаха различныя порученія, на каковыя и издерживалъ получаемыя деньги. Онъ говоритъ, что можетъ это доказать имѣвшимися въ его домѣ бумагами и росписками; но ваше высокостепенство послали людей своихъ, которые силою проникли въ его домъ, когда онъ уже находился подъ покровительствомъ нашей миссіи, которые унесли вещи, увели катеровъ и лошадей его, а можетъ быть и выкрали означенныя бумаги; вамъ слѣдовало описать вещи и бумаги въ присутствіи русскаго чиновника, а не насильственно и самовольно захватить все, что попало, и слѣдовательно вся отвѣтственность за нарушеніе правъ русскаго подданнаго падаетъ на васъ; какимъ образомъ судъ можетъ приступить къ справедливому рѣшенію, когда Зураб-ханъ имѣетъ при себѣ документы, между тѣмъ, какъ бумаги Мирзы-Якуба у него отобраны и можетъ быть теперь уже уничтожены?— „Хорошо, сказалъ Манучехр-ханъ: но въ трактатѣ вовсе нѣтъ того, что вы говорите“.—

Въ отвѣтъ ему, я приказалъ переводчику прочесть нѣкоторые отмѣченныя мною статьи коммерческой конвенціи, и всѣ присутствовавшіе по выслушаніи оныхъ остолбенѣли отъ удивленія.— „Если такъ, сказалъ Манучехр-ханъ, то духовнаго суда по этому дѣлу быть не можетъ; пусть все останется какъ есть“.

„На другой день посланникъ былъ у шаха и согласился на предложеніе его высочества разобрать дѣло Мирзы-Якуба съ музтемедомъ¹⁾ и Мирза-Абуль-Хасан-ханомъ; но сіе совѣщаніе отлагалось со дня на день, до тѣхъ поръ, пока смерть посланника и Мирзы-Якуба сдѣлали оное невозможнымъ.

„Между тѣмъ, посланникъ прилагалъ неусыпное стараніе объ освобожденіи находившихся въ Тегеранѣ плѣнныхъ. Двѣ женщины, плѣнныя армянки, были приведены къ нему отъ Аллах-Яр-хана. Грибовъ допросилъ ихъ въ моемъ присутствіи, и когда онѣ объявили желаніе ѣхать въ свое отечество, то онъ оставилъ ихъ въ домѣ миссіи, дабы потомъ отправить по принадлежности.

„Впрочемъ, это обстоятельство такъ маловажно, что объ ономъ распространяться нечего. Съ персидскимъ министерствомъ объ этихъ женщинахъ не было говорено ни слова, и только послѣ убіенія посланника начали о нихъ толковать. Я это представилъ въ Тавризъ каймакаму, утверждавшему, что женщины были главною причиною убіенія посланника.— „Ваше высочество, сказалъ я ему, имѣете въ рукахъ своихъ всю переписку посланника съ тегеранскимъ министерствомъ; тамъ много говорено о Ходжа-Мирзѣ-Якубѣ, но есть-ли хотя одно слово о женщинахъ?“— „Точно, о женщинахъ нигдѣ не упоминается, но онѣ были удержаны вами насильственно противъ своей воли“.— Смѣю увѣрить васъ, отвѣчалъ я ему, что при мнѣ объявили онѣ посланнику желаніе возвратиться въ свое отечество, а лучшимъ доказательствомъ, что посланникъ никогда насильно не бралъ тѣхъ, которыя не имѣли желанія отсюда ѣхать, можетъ служить происшествіе, извѣстное вамъ, которому весь Казвинъ былъ свидѣтелемъ. Тамъ находились въ домѣ одного сеида двѣ женщины, изъ коихъ одна армянка, а другая—нѣмка, изъ прилежащихъ къ Тифлису колоній. Онѣ были приведены къ посланнику, и когда объявили, что желаютъ остаться въ Казвинѣ, то немедленно же были отпущены къ сеиду.

„Между тѣмъ дошло до свѣдѣнія муджтехида Мирзы-Месиха, что Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. „Какъ? говорилъ муджете-

¹⁾ Собственно музтемед-иддоула, т. е. опора правительства, — титулъ Манучехр-хана.

хидь, — этотъ человекъ 20-ть лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ нашею вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!“ Также о женщинахъ доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ нашемъ домѣ и принуждаютъ будто-бы отступиться отъ мусульманской вѣры.

„Мирза-Месихъ отправилъ ахундовъ къ Шахзадѣ-Зилли-султану; они сказали ему: „Не мы писали мирный договоръ съ Россіею, и не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непременно возвратили плѣнныхъ“. Зилли-султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всемъ донести шаху. Ахунды пошли домой и дорогой говорили народу: „запирайте завтра базаръ и собирайтесь въ мечетяхъ; тамъ услышите наше слово!“

„Наступило роковое 30-е число января. Базаръ былъ запертъ, съ самаго утра народъ собирался въ мечети. „Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!“ — грузина, находившагося въ услуженіи у посланника. Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и кидали камень. Я видѣлъ, какъ въ это время пробѣжалъ чрезъ дворъ коллежскій ассесоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ Грибоѣдову дядею его Манучехр-ханомъ; народъ кидалъ въ него камнями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворъ, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крыши были уставлены свирѣпствующей чернью, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы (солдаты) наши не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которыя были складены на чердакѣ и уже растащены народомъ. Съ часъ казаки наши отстрѣливались, тутъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать пистолеты пулями, когда увидѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать людей нашихъ. Около 15-ти человекъ изъ чиновниковъ и прислуги собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ русскимъ: всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху камнями, ружейными выстрѣлами и кинжалными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ: я видѣлъ, какъ персіане выносили на дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссіи, — все было разграб-

дено (я полагаю, что бумаги находятся въ рукахъ у персидскаго министерства).

„Въ это время пришелъ присланный отъ шаха майоръ Хади-бекъ съ сотнею сарбазовъ, но у сего вспомогательнаго войска не было патроновъ; оно имѣло приказаніе противъ вооруженной свирѣпствующей черни употреблять одно краснорѣчіе, а не штыки, и потому было способнымъ свидѣтелемъ неистовствъ. Также присланъ былъ виваръ Мирза-Мамед-Али-ханъ и серхенгъ (полковникъ). Увидѣвъ серхенга, съ которымъ я былъ довольно коротко знакомъ, я просилъ его къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что посланникъ и всѣ чиновники миссіи убиты; что онъ не понимаетъ, какъ могъ я спастись, приставилъ къ воротамъ мой караулъ и обѣщався вечеромъ посѣтить меня. За часъ до захожденія солнца, когда въ разоренномъ домѣ нашемъ оставались одни только сарбазы, пришелъ шахскій чиновникъ, который четверемъ стѣнамъ прочелъ громогласно фирманъ, повелѣвающий народу, подъ опасеніемъ шахскаго гнѣва, удалиться спокойно изъ нашего дома и воздержаться отъ всякаго безчинства.

„Въ 9-ть часовъ вечера пришелъ серхенгъ съ вооруженными гудами, нарядилъ меня и людей моихъ въ сарбазскія платья и повелъ во дворецъ Зилли-султана.

„Всего убито въ сей ужасный день 37 человекъ нашихъ и 19 тегерайскихъ жителей“.

Изъ донесенія Мальцова оказывается, что причину убіенія Грибоѣдова послужили евнухъ Мирза-Якубъ и двѣ женщины изъ гарема Аллах-Яр-хана, въ чемъ показанія его въ общихъ чертахъ совершенно согласны съ разсказомъ персидскаго историка. Но что же вынудило Грибоѣдова такъ горячо за нихъ вступиться? Руководствовался ли онъ въ этомъ случаѣ исключительно статью туркменчайскаго трактата, безъ какаго-либо иного побужденія, или же здѣсь была замѣшана и посторонняя интрига? Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ вопросы, разрѣшеніемъ коихъ могутъ объясниться дѣйствія нашего министра, повлекшія за собою избіеніе всей нашей миссіи. Постараюсь отвѣтить на нихъ, руководствуясь данными и сообщеніями, такъ сказать, непосредственнаго мѣстнаго изыскателя, предположившаго себѣ цѣлью всестороннее разъясненіе занимающаго насъ событія и обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему и за нимъ послѣдовавшихъ.

Грибоѣдовъ на пути въ Персію, какъ извѣстно, остановился въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ принялъ къ себѣ на службу нѣсколько туземцевъ, изъ армянъ и грузинъ, людей неблагонадежныхъ, чуждыхъ всякаго образованія, и вдобавокъ, весьма сомнительной нравственности. Въ этомъ отношеніи изъ среды ихъ особенно выдѣлялись лично

сти Дадаш-бека и Рустем-бека. Тутъ невольно напрашивается возраженіе, что Грибоѡдову, обладавшему столь глубокимъ знаніемъ чело-вѣческаго сердца, людскихъ страстей и пороковъ, нѣтъ не мѣшало бытъ осмотнительнѣе въ выборѣ чиновниковъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ положеніи Грибоѡдову выбирать было не изъ кого, а познаніе людей съ ихъ характеромъ и наклонностями достигается долгимъ непосредственнымъ наблюденіемъ той среды, изъ которой они вышли. А тифлисская общественная среда, особливо не аристократическая, Грибоѡдову мало была извѣстна; при томъ же на него могли повліять рекомендаціи и указанія новой родни, которую онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе своей, только что совершившейся женитьбы. Итакъ, чего же можно было ожидать отъ соприкосновенія подобныхъ упомянутыхъ личностей съ народомъ, съ которымъ мы только что успѣли покончить наши расчеты, достигнувъ необыкновенно блестящихъ въ нашу пользу результатовъ, и который ни по нравамъ и обычаямъ, ни по вѣрѣ, — словомъ, ни съ какой стороны намъ не могъ симпатизировать? Недружелюбное настроеніе персіанъ противъ посольства обнаружилось еще во время слѣдованія его изъ Тавриза въ Тегеранъ. Обязанные нести всѣ расходы по переѣзду и продовольствію нашей миссіи, сельскіе жители нерѣдко подвергались со стороны вышепоименованныхъ закавказскихъ туземцевъ, а главнымъ образомъ со стороны Рустем-бека всевозможнымъ поборамъ и другимъ притѣсненіямъ, которыя въ Кавказѣ, по случаю попытки освободить изъ неволи увезенную изъ Эривани нѣмку, жену какого-то сенда, едва не имѣли трагическаго исхода. Съ прибытіемъ въ Тегеранъ они еще болѣе начали буйствовать, такъ что нерѣдко въ пьяномъ видѣ, съ обнаженнымъ оружіемъ и съ криками ходили по улицамъ, предаваясь открытому разврату, что само собою противорѣчило основнымъ правиламъ шаріата, задѣвая и безъ того возбужденную щекотливость жителей столицы. Чаша терпѣнія персіанъ должна была переполниться, когда названные лица, въ своемъ неразумномъ ослѣпленіи, успѣли склонить Грибоѡдова дѣйствовать по ихъ видамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родственницъ и друзей, плѣненныхъ персіанами при нашествіи Ага-Мамед-хана на Тифлисъ (1795 г.) и въ послѣдующихъ войнахъ Россіи съ Персіей за обладаніе Закавказьемъ. Выказываясь такимъ образомъ, я, само собою разумѣется, далеко отъ мысли объяснять дѣйствія Грибоѡдова въ этомъ случаѣ исключительно вліяніемъ однихъ только лицъ, взятыхъ имъ на службу изъ закавказскихъ уроженцевъ, что было бы недостойно нашего посланника;—нѣтъ, онъ въ своемъ образѣ дѣйствій руководствовался точнымъ смысломъ туркменчайскаго трактата, считая себя внѣ всякой

опасности. Дѣло только въ томъ, что подчинивъ себя вліянію людей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и дѣйствуя въ ихъ родственныхъ интересахъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, простирая иногда свое покровительство на тѣхъ изъ илѣнницъ, которыя находились въ гаремахъ лицъ, слишкомъ значительныхъ и вліятельныхъ. И вотъ въ этомъ-то именно увлеченіи и заключается главная ошибка Грибоѣдова!

Принятіе подъ покровительство Мирзы-Якуба вооружило противъ Грибоѣдова самого шаха и всю придворную партію. Да и могло ли быть иначе? Мирза-Якубъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность казначея и главнаго евнуха въ шахскомъ гаремѣ, зналъ всѣ его тайны и семейную жизнь шаха, и съ измѣною его все, чѣмъ такъ дорожить нравовѣрный, должно было получить огласку, что дѣйствительно и случилось. Едва только народъ узналъ, что Мирза-Якубъ ушелъ изъ шахскаго гарема и находится у русскихъ, какъ громко началъ заявлять о своемъ неудовольствіи. Когда же Грибоѣдовъ укрылъ у себя двухъ женщинъ изъ гарема Аллах-Яр-хана, вражда народная достигла крайняго ожесточенія и Аллах-Яр-хану, какъ человѣку, въ душѣ ненавидѣвшему шаха и Аббасъ-Мирзу и желавшему, во что бы то ни стало, вовлечь Персію въ новую войну съ Россіей, оставалось только воспользоваться представившимся ему удобнымъ случаемъ.

Относительно участія Фетх-Али-шаха въ дѣлѣ убіенія нашего посольства можно почти съ достовѣрностію сказать, что онъ не только въ немъ не участвовалъ, но и не предвидѣлъ такого рокового исхода. Одно не подлежитъ сомнѣнію: шахъ могъ желать убіенія только Мирзы-Якуба, въ чемъ его нельзя безусловно и обвинять, по указаннымъ уже соображеніямъ. Если же онъ не предупредилъ несчастной катастрофы и все ограничилось однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ персидскаго караула мятежникамъ, то это объясняется очень просто: вліяніе шаха было совершенно парализовано неожиданностью всплывшаго народнаго мятежа, мгновенно возбужденнаго внушеніями фанатическаго духовенства. Всякая попытка его сдержать силою волненіе народа угрожала бы опасностію собственной его жизни. Въ этомъ случаѣ дѣйствительное вліяніе могла оказать только одна личность—муджтехидъ тегеранскій, мулла Месихъ¹⁾, но какъ отъявленный ивузѣръ и врагъ христіанъ, а въ особенности русскихъ, онъ подлилъ

¹⁾ Мулла Месихъ вскорѣ послѣ описываемой катастрофы вынужденъ былъ оставить Тегеранъ.

въ огонь масла и однимъ сигналомъ „джехадъ“¹⁾ погубилъ небольшую нашу колонію.

Что до наследника престола, Аббас-Мирзы, то обстоятельства дѣла заставляютъ признаться, что онъ не только не участвовалъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ, но напротивъ того, содѣйствовалъ къ спасенію Мальцова, единственнаго члена нашей миссіи, избѣгшаго смерти..... Изъ всѣхъ бумагъ видно, писалъ гр. Паскевичъ къ гр. Нессельроде, отъ 29-го марта: что Аббас-Мирза, дабы не увеличить произведеннаго въ Тегеранѣ злодѣянія умерщвленіемъ Мальцова, къ чему нерасидское правительство, по предположенію его, было уже склонно, въ отчаяніи отъ таковаго преступленія, далъ совѣтъ сохранить жизнь его*. Къ тому же, Аббас-Мирза, какъ свидѣтельствовалъ Мальцовъ, находился въ явной немилости у шаха, который считалъ его измѣнникомъ своего отечества. А при такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ не желать мира съ Россіей; ибо зналъ, что безъ покровительства императора ему никогда не удалось бы вступить на шахскій престолъ.

Но пусть лучше говорятъ документы; мы приводимъ вѣздъ за сими точные переводы съ фирмана Фетх-Али-шаха къ Аббас-Мирзѣ и съ писемъ сего послѣдняго къ императору Николаю и къ графамъ Нессельроде и Паскевичу²⁾.

Фирманъ Фетх-Али-шаха на имя наследника престола Аббас-Мирзы:

„Не знаете, какъ я описать превратности свѣта! Аллахъ, Аллахъ, какія случаются происшествія! По прибытіи російскаго полномочнаго министра Грибовдова въ Тегеранъ мы приняли его, какъ посредника для укрѣпленія дружбы между двумя великими державами. Ему были оказаны должныя почести и ласки, приемъ сдѣланъ благосклонный, мы осыпали его разнаго рода милостями и удостоили разрѣшеніемъ возвратиться. Но онъ остался здѣсь еще на нѣкоторое время, и вотъ съ нимъ случилось столь неожиданное и постыдное происшествіе, какого по сіе время не было ни видано, ни слыхано въ Персіи. И могли ли мы предвидѣть, чтобы тегеранцы рѣшились на это? Мирза-Якубъ, по прибытіи къ посланнику, былъ отправленъ къ эшик-агаси-баши (оберъ-церемоніймейстеру) съ переводчикомъ Мирза-Нариманомъ для

¹⁾ Слово арабское, въ переводѣ: священная война, война противъ невѣрныхъ. А. В.

²⁾ Фирманъ и письма мы воспроизводимъ по старымъ ихъ переводамъ на русскій языкъ, позволяя себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя исправленія въ слогѣ переводовъ, а подлинныхъ текстовъ мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ рукою. А. В.

объявленія, что его берутъ съ собою. Нѣкоторые изъ товарищей Мирзы-Якуба по службѣ доложили намъ, что онъ, какъ завѣдывавшій казначействомъ, состоитъ казакъ должнымъ, по крайней мѣрѣ, 40 или 50 т. тумановъ¹⁾, и что потому необходимо удержать его до окончанія счетовъ, а потомъ уже поручить его посланнику. Но мы изъ уваженія къ Грибоѣдову приказали не задерживать Якуба и отправить его обратно, дабы счета были приведены въ извѣстность съ вѣдомъ посланника.

„Наконецъ было рѣшено разобрать дѣло Мирза-Якуба въ судѣ, куда онъ и явился на другой день съ людьми посланника и гдѣ началъ ругать законъ и вѣру мусульманскую. Ругательства его сильно огорчили чернь и почетныхъ людей и всѣ подняли ропотъ; но видя наши милости и наше расположеніе въ посланнику, замолчали. Въ это время посланникъ началъ требовать двухъ мушскихъ куртинокъ, издавна находившихся въ плѣну и которыхъ онъ называлъ каракиссскими уроженцами. Когда же хозяинъ тѣхъ плѣнницъ сталъ доказывать, что онѣ каракиссскими жителями не были, тогда мы, единственно въ угоду посланнику, велѣли отвезти ихъ къ нему для личнаго разбирательства. Грибоѣдовъ, убѣдившись, что онѣ не рускія подданныя, тѣмъ не менѣе удержалъ ихъ, при чемъ не обратилъ никакого вниманія на то, что онѣ нѣсколько лѣтъ какъ мусульманки и что одна изъ нихъ была даже беременна. Вопль упомянутыхъ женщинъ и нежеланіе ихъ остаться въ домѣ посланника взволновали городскихъ жителей, но они, изъ опасенія быть наказаны, ни на что не отважились. Въ тотъ же самый день люди посланника обругали какого-то сеида на базарѣ, а ночью затащили къ себѣ женщину. На слѣдующее утро жители, презирая жизнь, бросились къ посольскому дому съ цѣлью выручить удерживаемыхъ въ немъ женщинъ, но люди посланника и караулъ оказали сопротивленіе, при чемъ 4 или 5 человекъ изъ толпы убили и нѣсколько переранили. Увидя убитыхъ, народъ, не обращая уже ни на что вниманія, ни даже на увѣщанія духовныхъ, бросился къ дому посланника и началъ бросать въ него палками и камнями, при чемъ участвовали даже дѣти. Стоявшіе въ караулѣ сарбазы открыли въ это время перестрѣлку и убили нѣсколько человекъ; со стороны посланника также нѣкоторые заплатились жизнью, и въ числѣ ихъ Мирза-Сулейманъ, племянникъ эшик-агаси-баши, который былъ посланъ къ министру съ порученіями. Какъ только донесли о семъ бунтѣ, сыновья Зили-султана и начальникъ караула, съ дворцовой стражей,

¹⁾ Туманъ = 3 р. с., а въ то время слишкомъ 4 р. с.

тотчасъ были отправлены для его прекращенія. Но народъ до такой степени былъ ожесточенъ, что ничего нельзя было сдѣлать; понесли даже самого Зили-султана. Людямъ его и сарбазамъ удалось спасти, и то съ большимъ трудомъ, одного только перваго секретаря министра съ 6-ю человекѣми. Мы удивляемся, какъ могло случиться такое происшествіе, когда не оставили приложить все стараніе къ сохраненію взаимной дружбы. Подобнаго происшествія въ нашемъ государствѣ никогда не бывало. Когда намъ приходилось слышать, что въ томъ или другомъ государствѣ взбунтовался народъ, что такого-то министра смѣнили, что въ государственныхъ дѣлахъ случились перемѣны, то мы удивлялись и говорили: „Какъ при такихъ случаяхъ могъ удержаться порядокъ въ государственныхъ дѣлахъ“. Въ то время, когда Хаджи-Халиль-ханъ, нашъ посланникъ, былъ убитъ такимъ же образомъ въ Индіи, мы не хотѣли вѣрить, чтобы это было сдѣлано народомъ; но когда убѣдились въ добромъ расположеніи англійскаго правительства, то узнали, что это произошло не намѣренно, а случайно.

„Мы не можемъ описать печали и того неудовольствія, какое намъ причинило это происшествіе; да и къ чему ихъ описывать? Мы лучше васъ умѣемъ цѣнить дружбу двухъ государствъ, и болѣе чѣмъ вы онечалены, ибо происшествіе это опозорило Персію, хотя не только ни одинъ благоразумный не припишетъ его благоразумному, но даже безумный безумному; но мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ сообщить вамъ обо всемъ происшедшемъ. Объясните все это подробно Амбургеру. Мы не различаемъ двухъ державъ (Россію и Персію) и для насъ все одно—случилось ли описанное несчастіе въ Петербургѣ или въ Тегерагѣ; пусть представляютъ себѣ, что оно случилось въ Петербургѣ и пусть объясняютъ, что сдѣлали бы намъ, дабы мы, согласно съ правилами и обычаями обѣихъ державъ, учинили должное наказаніе и распоряженіе. Конечно, мы употребимъ все усиліе къ упроченію дружбы и союза между обѣими державами и смоемъ позоръ, нанесенный нашему правительству. Всѣ убитые съ должною почестью преданы землѣ. Мы утѣшаемъ перваго секретаря; виновниковъ же не замедлимъ наказать. Для окончанія этого дѣла мы ожидаемъ отъ васъ извѣстій, согласныхъ съ мнѣніемъ Амбургера. Старшаго секретаря, какъ очевидно и могущаго рассказать все какъ было, мы черезъ два дня отправимъ къ гр. Паскевичу вмѣстѣ съ Назар-Алиханомъ.

„Для уничтоженія и заглаженія сего посрамленія мы ожидаемъ вашего совѣта“.

Письмо Аббас-Мирзы къ государю императору:

„Возславъ прежде всего хвалу Всевышнему, коему извѣстны всѣ тайны и принадлежить весь мѣръ, во власти котораго простить всѣ грѣхи и ниспослать могущество государямъ; затѣмъ, изъявивъ покорность нашу его отличнѣйшымъ святымъ, направляющимъ на истинный путь, и пророкамъ, вѣдающимъ божественныя тайны и ходатайствующимъ за насъ въ день общаго воздаянiя, доношу вашему императорскому величеству, лишающему и дарующему, подобно Дарію, царства, одаренному похвальными качествами, достойнѣйшему, извѣстному добротой и милосердіемъ во всемъ мѣрѣ, любезнѣйшему дядѣ моему и самодержцу всея Россіи, что хотя стыдъ, коимъ по измѣнчивости судьбы покрыла себя, выше всякаго описанiя, Персія, но я полагаюсь на милость и великодушiе вашего императорскаго величества.

„Въ прошломъ году Персія, душою и сердцемъ, купила дружбу высокой россійской державы: она не пощадила въ семъ случаѣ ни трудовъ, ни достоянiя, доколѣ по милости Аллаха и по великодушiю вашего императорскаго величества не приобрѣла себѣ того, чего столь сильно желала.

„Въ нынѣшнемъ же году я намѣревался для укрѣпленiя этой дружбы и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ отправиться въ путь, чтобы удостоятся свиданiя съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Между тѣмъ, съ россійскимъ полномочнымъ министромъ случилось такое происшествiе, какаго въ Персіи никогда не бывало и котораго предупредить не представлялось возможности. Творецъ міра, вѣдающій всякую тайну, свидѣтель, что я предпочелъ бы скорѣе погибнуть со всѣми братьями и сыновьями, чѣмъ видѣть на Персіи такое безславіе. Всѣ вельможи и знатныя особы персидскаго двора, вслѣдствіе такого несчастнаго событiя, наложили на себя нынѣ трауръ; его высочество шахъ находится въ великой горести. Не подлежитъ сомнѣнiю, что Персія не желаетъ лишиться всѣхъ понесенныхъ ею въ прошломъ году безпокойствъ, трудовъ и убытковъ. Я самъ, желая ѣхать для свиданiя съ вашимъ императорскимъ величествомъ, никогда не соглашусь отправиться въ настоящемъ положенiи; народъ же персидскій, какъ вельможи, такъ и чернь, неоднократно испытывалъ горечь вражды и сладость дружбы съ Россією, и потому быть не можетъ, чтобы онъ пожелалъ промѣнять хорошее на худое, тишину на безпокойство. Клянусь всемогущимъ Творцемъ и вѣнцами всеавгустѣйшихъ государей, что это гнусное и постыдное происшествiе имѣло источникомъ возмущеніе простаго народа. Въ городахъ, чуждыхъ порядка и благоустройства, подобныя возмущенiя невѣжественной черни, особенно же въ Константинополѣ, столицѣ Турціи,

случаются весьма часто, но до минувшаго года въ персидскихъ городахъ этого никогда не бывало. Когда же по причинѣ прошлагодней войны нашей съ Россіей невозможно было заниматься другими дѣлами, въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи произошли подобныя безпорядки и возмущенія, за которые правительству нельзя было учинить высказаніе; по поводу же настоящаго случая въ Тегеранѣ оно приложить всевозможное стараніе для наказанія бунтовщиковъ и зачинщиковъ. А я потому единственно желалъ имѣть свиданіе съ вашимъ императорскимъ величествомъ, дабы съ помощью Аллаха укрѣпить между двумя державами сердечное единодушіе и расположеніе, и чтобы, благодаря высокимъ качествамъ вашего императорскаго величества, снова разцвѣло все потерявшее разстройство чрезъ вражду съ Россіей; вносльдствіи же милостію Аллаха, чрезъ вниманіе вашего императорскаго величества, въ Персіи прекратятся всѣ безпорядки. Лучшее средство для поправленія нынѣ случившагося событія, — это предоставить его вполнѣ благоугодному распоряженію вашего императорскаго величества. Въ заключеніе дерзаю просить ваше императорское величество удостоить меня высочайшимъ вашимъ на этотъ счетъ повелѣніемъ, чтобы Персія смыла съ себя позоръ; а что до меня, то я поспѣшу предстать предъ ваше императорское величество^а.

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Нессельроде:

„Аллахъ и тѣ, кои здѣсь были, вѣдаютъ, какіе труды перенесли мы въ эти два мѣсяца для заключенія мира между двумя державами. Мы не имѣемъ нужды описывать ихъ, ибо они, конечно, уже извѣстны во всей подробности вашему сіятельству и донесены его императорскому величеству. Мы надѣялись въ началѣ текущаго года удостоиться узрѣть государя императора и загладить приличными извиненіями прежнюю вину, но его императорское величество изволилъ отправиться въ путь. Потомъ, когда по возвращеніи его въ столицу, мы съ величайшимъ удовольствіемъ начали готовиться въ дорогу, за два дня до отправленія получаемъ извѣстіе изъ Петербурга, чтобы отложили на время поѣздку; но, вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію небесъ, случилась несчастная смерть російскаго полномочнаго министра, противъ воли и желанія Персіи, которую это происшествіе крайне огорчило, такъ какъ подобнаго въ ней никогда не случалось. Но по безпредѣльной благодати Всевышняго, по высокому духу двухъ государей, по благонамѣренности чиновниковъ обѣихъ державъ и по требованію существующей между ними дружбы, мы вполнѣ надѣемся и твердо увѣрены, что печальное событіе будетъ предано забвенію по чувству пріязни Россіи къ Персіи, которая послѣ всѣхъ понесен-

лихъ ея потерь для пріобрѣтенія той дружбы, не пожелала бы, чтобы труды и издержки ея оказались напрасными, и что она всецѣло должна быть признана непричастною гнусному поступку, нанесшему ей вѣчное безславіе. Равнымъ образомъ очевидно, что всеобщее возмущеніе и стеченіе народа въ Тегеранѣ, несмотря на существующій въ душѣ каждаго страхъ жестокаго наказанія, не были безъ причины. Впрочемъ, какъ объ этомъ, такъ и о поступкахъ народа, собравшагося около министровъ, будетъ впоследствии сообщено вашему сіятельству, но за всѣмъ тѣмъ, мы, кромѣ извиненія, ничего лучшаго представить не можемъ^а.

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Паскевичу:

„Удивляясь превратности настоящаго свѣта, и будучи покрытъ стыдомъ по случаю несчастнаго происшествія (съ Грибоводовымъ), не знаю, какъ его описать и какимъ образомъ открыть съ вашимъ сіятельствомъ двери разъясненій; г. Амбургеръ, видѣвши наше положеніе, конечно, донесетъ вашему сіятельству, какъ велико наше прискорбіе. Мы предпочли бы лучше со всѣми братьями и сыновьями смерть, лишь бы только на Персіи не лежало это вѣчное безславіе; ваше сіятельство сами можете судить, что никто этого не ожидалъ и что не было возможности предпринять что-либо заблаговременно. Происшествіе это случилось вдругъ, отъ необузданности народа, а безчестіе остается за нами, и потому всѣ чиновники нашего двора и управляющіе дѣлами здѣшняго края наложили на себя трауръ. Самъ шахиншахъ чрезмѣрно опечаленъ. Нынѣ, въ день 17-го шаабана, я получилъ отъ его высочества шаха фирманъ, коимъ повелѣваетъ мнѣ просить у вашего сіятельства инструкціи, какимъ образомъ увѣдомить объ этомъ происшествіи государя императора, почему и отправляемъ къ вамъ высочестеннаго Мирза-Масуда, которому мы предписали переговорить о семъ съ вашимъ сіятельствомъ. Если вы заблагоразсудите, то отправьте его курьеромъ съ моимъ письмомъ къ государю императору; а равно и съ извинительнымъ письмомъ шаха, которое вслѣдъ за симъ къ вамъ будетъ доставлено съ особымъ чиновникомъ и съ секретаремъ министерства г. Мальцовымъ. Однимъ словомъ, повелѣніе шаха состоитъ въ томъ, что его высочество ни за что не измѣнитъ дружбѣ великаго російскаго двора съ дворомъ персидскимъ, купленной сердцемъ и душой, и что Тегеранъ и Петербургъ оныя считаетъ за одно и то же. Если бы подобное происшествіе случилось въ Петербургѣ, то, конечно, министры російскаго двора сдѣлали бы должное распоряженіе и дали бы необходимыя наставленія; а потому мы просимъ сообщить ихъ, дабы мы совершенно согласно съ тѣми наставленіями могли приступить къ наказанію виновниковъ

происшествія и къ испрошенію извиненія, и тѣмъ избавить Персію отъ бремени лежащаго на ней позора“.

Между тѣмъ, еще за мѣсяць до полученія приведеннаго выше донесенія Мальцова, графъ Паскевичъ, отъ 20-го февраля, писалъ графу Нессельроде:

„Съ истиннымъ живѣйшимъ прискорбіемъ поспѣшаю препроводить при семъ полученную мною отъ генеральнаго консула нашего въ Персію, надворнаго совѣтника Амбургера, на имя вашего сіятельства депешу подъ открытою печатью, въ коей описывается вѣроломное убійство въ Тегеранѣ полномочнаго посланника нашего, статскаго совѣтника Грибоѣдова и всей его свиты, исключая секретаря Мальцова и съ нимъ еще двухъ человѣкъ, спасшихся отъ неистовства злодѣевъ.

„Обязанностію поставляю приложить при семъ также (въ переводѣ) выписку изъ письма къ Аббас-Мирзѣ брата его Зилли-султана, генераль-губернатора тегеранскаго, въ которомъ ужасное происшествіе, въ Тегеранѣ случившееся, описывается почти въ томъ же видѣ, какъ и въ депешѣ Амбургера¹⁾).

„Поселику всѣ извѣстія объ убійствѣ посланника нашего, не исключая и депеши г. Амбургера, основаны на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ персіянами, коихъ нельзя отнюдь принять за достовѣрныя, то и должно ожидать дальнѣйшихъ вѣрныхъ увѣдомленій о семъ печальномъ случаѣ; въ особенности же все происшествіе объяснить могутъ показанія Мальцова, который одинъ изъ всѣхъ чиновниковъ, бывшихъ при посольствѣ, остался живъ. За всѣмъ тѣмъ, зная характеръ персіянъ, я позволю себѣ нѣкоторыя предположенія о причинахъ столь вѣроломнаго поступка и неслыханнаго нарушенія правъ народныхъ.

„Усомниться можно, чтобы причины сіи были точно таковы, какъ онѣ изложены въ депешѣ Амбургера и письмѣ Зилли-султана, и вѣроятно многія обстоятельства представляются персіянами не въ томъ видѣ, для собственнаго ихъ оправданія; въ особенности въ письмѣ Зилли-султана, повторяемые обвиненія противу Мирзы-Яхьи или Якуба, служившаго прежде при шахѣ, а потомъ прибѣгшаго подъ покровительство посланника нашего, заставляютъ предполагать, что все сіе происшествіе было предуготовлено прежде, и какъ начало самаго возмущенія, коего Грибоѣдовъ сдѣлался жертвою, произошло отъ Аллах-Яр-хана, который былъ главною пружиною предшествовавшей войны и признается всегда явнымъ непріателемъ Аббас-Мирзы и

¹⁾ По этой-то причинѣ мы считаемъ излишнимъ привести здѣсь эту выписку.

сильнѣйшею опорой враждующихъ къ нему братьевъ, то съ нѣкоторою правдоподобностію заключать должно, что сіе горестное событіе было обдуманнѣмъ послѣдствіемъ самаго вѣроломнаго коварства и что поводомъ къ тому есть намѣреніе вовлечь опять шаха и Аббас-Мирзу въ войну съ нами, на тотъ конецъ, дабы истребить совершенно династію каджаровъ, или же отдалить отъ наслѣдства персидскаго престола Аббас-Мирзу въ пользу кого-либо изъ его братьевъ, партія коихъ, какъ выше сказано, поддерживается Аллах-Яр-ханомъ.

„На счетъ причины убійства Грибоѣдова я спрашивала муджетехидъ Ага-Мир-Фетта, коему извѣстны всѣ дѣла и интриги двора персидскаго; онъ полагаетъ, что оно учинено съ умысломъ, дабы показать народу, что правительство персидское не такъ боится русскихъ, какъ полагають.

„Если полагаться на персидскія извѣстія, то Фетх-Али-шахъ не только не участвовалъ, но и не предвидѣлъ возмущенія, противъ Грибоѣдова случившагося, ибо онъ самъ лично приѣхалъ для укрощенія онаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, генераль-губернаторомъ тегеранскимъ; въ подтвержденіе сей мысли можетъ служить и то, что изъ числа сарбазовъ, находившихся въ караулѣ при посланникѣ нашемъ, 4 человека убито, его защищая, и 30 человекъ ранено изъ войскъ Зилли-султана.

„Аббас-Мирза, сколько можно судить по его поступкамъ и въ особенности по письму ваймама къ Мирзѣ-Салеху¹⁾, въ коемъ живо описываетъ, сколько онъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Грибоѣдова, повидимому, вовсе не причастенъ сему гнусному злодѣянію, тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ за десять дней утверждено имъ разграниченіе по новому трактату и весьма недавно прислано въ Аббас-Абадъ 8 т. тумановъ, въ счетъ 8 курура²⁾.

„При неизвѣстности настоящихъ обстоятельствъ, вывода разныя заключенія, можно предполагать, что англичане не вовсе были чужды участія въ возмущеніи, вспыхнушемъ въ Тегеранѣ, хотя, можетъ быть, они не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій онаго (ибо они равнодушно смотрѣли на перевѣсъ нашего министерства въ Персіи и на уничтоженіе собственнаго ихъ вліянія); доказательство неискренности ихъ къ намъ я нахожу въ рапортѣ ко мнѣ бывшаго при разграниченіи комиссаромъ полковника Рененкампа, который, между прочимъ, меня увѣдомилъ, что послѣ уже подписанія акта о границахъ персидскимъ комиссаромъ Мирзою-Махсудомъ, сей послѣдній по-

¹⁾ Чиновникъ особыхъ порученій при Аббас-Мирзѣ и одинъ изъ первыхъ персіянъ, получившихъ образованіе въ Парижѣ. А. В.

²⁾ Куруръ = 2,000,000 руб. сер. А. В.

лучилъ копию съ турменчайскаго трактата, за подписью англійскаго министра Маедональда, въ которомъ съ умисломъ границы показаны были неправильно и названія написаны невѣрно; но разграниченіе, какъ выше сказано, было тогда подписано и потому происки г. англійскаго посланника остались тщетными.

„Впрочемъ, въ какомъ бы видѣ ни были представлены причины убійства посланника нашего въ Персію и обстоятельства, оное сопровождавшія, достоинство российской имперіи требуетъ разительнаго удовлетворенія за столь звѣрскій поступокъ и неслыханное нарушеніе правъ народныхъ. Но при настоящей войнѣ съ Турціею и при тѣхъ значительныхъ силахъ, которыя собираетъ она въ Азію, дабы остановить и даже уничтожить успѣхи наши, въ прошлую кампанію пріобрѣтенные, при нынѣшнемъ числѣ войскъ, за Кавказомъ находящихся, совершенно невозможно начинать новую войну съ Персіею“.

Предположеніе графа Паскевича объ участіи англичанъ въ событіяхъ 30-го января не лишено основанія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за главный хребетъ Кавказа, англійская политика, всемѣрно сохраняя въ интересахъ индійской компаніи доброе согласіе съ Персіею, изъ-подъ руки старалась поддерживать непріязненное настроеніе этой державы къ Россіи. Въ 20-хъ же годахъ, быстро развившаяся транзитная европейская торговля чрезъ наши закавказскія владѣнія съ Персіею до того встревожила сен-джемскій кабинетъ, что онъ, для окончательнаго уничтоженія ея однимъ разомъ, вовлекъ Персію въ открытую войну съ нами. Вынужденное блистательными успѣхами нашего оружія на крайне невыгодный миръ, персидское правительство видимо стало охладѣвать къ своимъ коварнымъ друзьямъ, которые, въ свою очередь, не будучи въ состояніи равнодушно глядѣть на рѣшительный перевѣсъ нашего вліянія, должны были быть замѣшаны, хотя косвенно и непримѣтно, въ событіяхъ 30-го января.

Чтобы этотъ выводъ не показался голословнымъ, не могу не привести здѣсь разсказа, слышаннаго мною отъ генерала Ардрони, старожилы и хорошаго знатока Персіи, состоявшаго въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи уланскаго полка при генералъ-адъютантѣ князь Ник. Анд. Долгоруковѣ, пресмникѣ Грибоѣдова.

Прибывъ въ Персію и остановившись въ Тавризѣ, кн. Долгоруковъ рѣшительно объявилъ, что въ Тегеранъ, гдѣ убитъ его предшественникъ, онъ не поѣдетъ, а пусть Фетх-Али-шахъ назначить ему по усмотрѣнію другое мѣсто въ государствѣ, гдѣ онъ и не замедлитъ ему представиться. Шахъ въ то время отправлялся въ Ширазъ, откуда и общалъ сообщить о мѣстѣ аудіенціи. По прошествіи нѣко-

того времени, кн. Долгоруковъ получилъ приглашеніе прибыть въ Исфаганъ¹⁾, куда онъ немедленно и выѣхалъ, въ сопровожденіи Мамед-Хусейн-хана, адъютанта Аббас-Мирзы, назначеннаго къ нему въ качествѣ михмандара. Во время этого переѣзда, генералу Арцруни случилось какъ-то разговориться съ Мамед-Хусейн-ханомъ.

— Снажите, ханъ, началъ онъ: изъ-за чего затѣяли вы войну съ Россіей, войну, не общающую вамъ ничего, кромѣ новыхъ и невозвратныхъ потерь?

— „Аллахъ, Аллахъ! отвѣчалъ михмандаръ: стоитъ-ли объ этомъ говорить: развѣ не извѣстно цѣлому міру, что мы были вовлечены въ нее происками англичанъ?“

— Но какъ же вы, спросилъ снова генералъ Арцруни: могли рѣшиться на такой ни съ чѣмъ несообразный поступокъ, какъ истребленіе русскаго посольства?

— „По этому предмету, возразилъ ханъ, я расскажу вамъ слѣдующее:

„Однажды чертова жена съ своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ большой дороги, въ кустахъ. Вдругъ они завидѣли идущаго по направленію къ нимъ крестьянина съ тяжелою ношею на спинѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли черти, онъ споткнулся о случившійся на дорогѣ большой камень и упалъ; а когда приподнялся, съ сердцемъ произнесъ: „будь ты, чортъ, прокляты!“ Слова эти были услышаны чертенкомъ, который тутъ же, обратясь къ матери, сказалъ:— „Какъ люди несправедливы: они бранятъ насъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ; мы такъ далеки отъ камня, а все-же виноваты“.—Тс, молчи, отвѣчала мать, хотя мы и далеки, но хвостъ мой спрятанъ тамъ, подъ камнемъ...“

— „Такъ, заключилъ Мамед-Хусейн-ханъ, было и въ дѣлѣ Грибовъдова: англичане хотя и жили въ Тавризѣ, но хвостъ ихъ все же былъ скрытъ въ русской миссіи, въ Тегеранѣ“.

Вообще нужно замѣтить, что предположеніе о поддержкѣ англичанами нерасположенія персіянъ къ русскимъ было въ то время значительно распространено въ Персіи и подтверждалось нѣкоторыми, весьма убѣдительными фактами: „Мнѣніе основательныхъ людей въ Персіи, писалъ, въ февралѣ 1829 года, майоръ Калачевскій къ военно-окружному начальнику нашихъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, генералъ-майору князю Абхазову: есть то, что происшествіе сіе случилось отъ сыновей шаха (не безъ участія англичанъ) и что первые домогаются расторгнуть покровительство им-

¹⁾ Несмотря на это, аудіенція имѣла мѣсто въ Хамаданѣ.

ператора нашего въ Аббас-Мирзѣ, который, по ихъ мнѣнію, съ тѣмъ домогается отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы испросить войска для уничтоженія не только ихъ, но и самого шаха“.

4-го іюня того же года Мальцовъ доносилъ графу Паскевичу изъ Тавриза:

„ . . . Я достовѣрно узналъ, что по прибытіи сюда тѣла покойнаго нашего посланника, никто изъ англичанъ не выѣхалъ ему на встрѣчу. По ихъ настоянію тѣла не ввезли въ городъ Тавризъ, а поставили въ маленькой загородной армянской церкви, которой также никто изъ англичанъ не посѣтилъ. Отъ Наиб-султана не было оказано тѣлу покойнаго Грибощдова никакихъ почестей, даже не былъ приставленъ почетный караулъ. Аббас-Мирза такъ поступилъ въ угодность Маѣдональду; признаюсь, что я такой низости никогда не предполагалъ въ англійскомъ посланникѣ; неужели и въ этомъ находить онъ пользу для остъ-индской компаніи, чтобы мстить чело-вѣку даже послѣ его смерти“.

Но какъ бы враждебно ни относилась англійская политика къ возрастающему вліянію нашему въ Персіи, нельзя отрицать, что англичане не могли предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій тегеранскаго возмущенія. Пріютъ, данный у себя Маѣдональдомъ супругѣ Александра Сергѣевича и принятое въ ней участіе, фактъ не слишкомъ-то убѣдительный: это была простая вѣжливость европейца и притомъ дипломата, обусловливаемая положеніемъ женщины въ семьѣ цивилизованныхъ націй, соблюденіе весьма понятнаго приличія къ супругѣ своего собрата по званію и дѣятельности. Болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ неожиданности для самихъ англичанъ умерщвленія нашего министра можетъ служить помѣщаемое здѣсь письмо Маѣдональда къ министру иностранныхъ дѣлъ Мирзѣ-Абуль-Хасанхану, изъ Тавриза, отъ 21-го февраля:

„Съ чрезвычайнымъ ужасомъ и неудовольствіемъ нижеподписавшійся получилъ отъ его королевскаго высочества Аббас-Мирзы официальное извѣщеніе объ убійствѣ россійской миссіи въ Тегеранѣ. Исторія народовъ не представляетъ подобнаго случая; самыя варварскія правительства, о которыхъ есть только свѣдѣнія, признаютъ необходимость какъ въ мирное, такъ и въ военное время уважать и покровительствовать посылаемыхъ отъ государствъ представителей, и не стануть оправдывать нарушенія сего постоянного и непремѣннаго правила. Въ особенности отнести сіе должно къ настоящему случаю, происшедшему среди совершенно мирныхъ расположеній, въ столицѣ самого государя, который изъ дворца своего могъ слышать шумъ, смятеніе и вопли жертвъ; но, несмотря на то, миссія дру-

жественной націи погибла въ присутствіи всѣхъ тѣхъ властей, которыя, по праву народному и по закону гостепріимства, обязаны были защищать ее.

„Если всякая довѣренность разрушается, то напрасно было бы думать, что представитель какой-либо націи могъ быть безопасенъ въ Персіи: или правительство персидское не хочетъ, или не въ состояніи оказывать ему своего покровительства. Когда даже оно не имѣетъ вниманія къ собственной славѣ и существованію (*reputation of existence*), при всемъ томъ оно обязано пещись о предохраненіи своего достоинства отъ нареканій, каковымъ нынѣ подверглось. Недовольно того, что правительство должно сдѣлать полное и совершенное удовлетвореніе; кромѣ того, нужно, чтобы были выданы зачинщики и участники убійства и чтобы ни званіе, ни постороннее предстательство, ни приводимые предлоги не укрыли ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Малѣйшая въ семъ предметѣ нерѣшительность со стороны правительства сочтена будетъ наклонностью защитить ихъ, и если оно не докажетъ совершенно неприкосновенности своей къ учиненному преступленію, то навлечетъ себѣ не только вражду со стороны Россіи, но и отъ всѣхъ образованныхъ государствъ.

„Посему нижеподписавшійся просить персидскихъ министровъ и особенно ваше превосходительство доставить ему по вышеозначенному обстоятельству подробнѣйшее объясненіе для представленія британскому правительству, которое сообразно съ тѣмъ сдѣлаетъ положеніе насчетъ продолженія настоящихъ сношеній своихъ съ тегеранскимъ дворомъ. Нижеподписавшійся искренно желаетъ и надѣется, что въ полномъ и удовлетворительномъ объясненіи насчетъ неприкосновенности правительства не будетъ предстоять затрудненія, хотя съ неудовольствіемъ и сожалѣніемъ замѣчаетъ, что не принято еще никакихъ мѣръ къ наказанію виновныхъ или къ арестованію ихъ.

„Капитанъ Макдональдъ, который вручитъ вамъ сію ноту, отправленъ въ Тегеранъ для принятія тѣхъ доказательствъ (*documents*), которыя представитъ персидское правительство. Нижеподписавшійся надѣется, что оныя не подадутъ ему повода къ прерванію сношеній своихъ съ министрами его шахскаго величества“.

Но какое же впечатлѣніе произвели событія 30 января на нашъ дворъ, и какъ Россія думала расчитаться за смерть своего представителя? На это мы отвѣтимъ словами графа Нессельроде, который отъ 16-го марта писалъ къ графу Паскевичу слѣдующее:

„Ужасное происшествіе въ Тегеранѣ поразило насъ до высочайшей степени. Отношенія вашего сіятельства ко мнѣ по сему пред-

мету государь императоръ изволилъ читать съ чувствомъ живѣйшаго прискорбія о бѣдственной участи, столь внезапно постигшей министра нашего въ Персіи и всю почти его свиту, содѣлавшихся жертвою неистовства тамошней черни.

„Достоинству Россіи нанесенъ ударъ сильный; онъ долженъ быть торжественно заглаженъ явнымъ признаніемъ верховной персидской власти въ совершенной ея невинности по означенному случаю.

„При семъ горестномъ событіи его величеству отрадна была бы увѣренность, что шахъ персидскій и наслѣдникъ престола чужды гнусному и безчеловѣчному умыслу, и что сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибовдова, несообразавшаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями черни тегеранской, а съ другой стороны, извѣстному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 г. начать съ нами войну.

„Сопротивленіе мятежникамъ, сдѣланное персидскимъ карауломъ, бывшимъ уминистра Грибовдова; немалое число людей изъ сего караула и изъ войскъ, присланныхъ отъ двора, погибшихъ отъ народнаго возмущенія; письмо тегеранскаго губернатора къ Аббас-Мирзѣ, наконецъ поведеніе сего послѣдняго, наложившаго у себя общій трауръ по сему несчастному случаю, служатъ, повидимому, достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не питалъ никакихъ противъ насъ враждебныхъ замысловъ. Опасеніе однако мщенія Россіи можетъ заставить оный приготовиться къ брани и вѣять коварнымъ внушеніямъ недоброжелателей кадjarской династіи. Принимая все сіе въ соображеніе, его императорское величество соизволилъ въ полной мѣрѣ одобрить мѣрніа вани и даннаго Амбургеру наставленія.

„При настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя не ограничиться казнію главныхъ виновниковъ возмущенія и приѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его съ письмомъ къ государю императору отъ шаха, въ коемъ бы объяснена была невинность персидскаго правительства въ гибели нашей миссіи и послѣдовавшее наказаніе за то преступниковъ.

„Если бы отъ персіанъ, при полученіи вашимъ сіятельствомъ сего отношенія моего, не былъ еще сдѣланъ рѣшительный шагъ касательно отправления сюда кого-либо изъ принцевъ крови, то его императорскому величеству угодно, чтобы вы отозвались къ Аббас-Мирзѣ, что по самымъ сильнымъ доводамъ, вами изъясненнымъ высочайшему двору, сколь далеко персидское правительство отъ малѣйшаго участія въ злодѣяніи, свершившемся въ Тегеранѣ, и во вниманіи къ вашему предствательству государь императоръ соизволяетъ удовольствоваться

точно прибавомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его, съ письмомъ отъ шаха, какъ выше уже сказано, дабы въ глазахъ Европы и всей Россіи оправдать персидскій дворъ. Коль скоро кто-либо изъ сихъ особъ прибудеть къ вамъ, то его величеству благоугодно, дабы поспѣшнѣе былъ отправленъ въ С.-Петербургъ самымъ приличнымъ образомъ; между тѣмъ, вы пришлете сюда расторопнѣйшаго курьера съ предварительнымъ о томъ увѣдомленіемъ и съ нимъ же извѣстите губернаторовъ по сему тракту о приуготовленіи нужнаго числа лошадей для посольства.

„Отсрочку платежа 9 и 10 курура ¹⁾ государь императоръ совершенно предоставляетъ благоразумію вашему“.

Но не такъ думали въ Персіи. Амбургеръ еще отъ 4-го апрѣля доносилъ гр. Паскевичу:

„..... Увѣряютъ, что шахъ писалъ Аббас-Мирзѣ, что онъ достовѣрно узналъ, что государь императоръ не оставитъ смерть своего министра безъ наказанія и что Россія, будучи занята войною съ турками, можетъ быть, теперь не обратитъ вниманія на Персію, но что по окончаніи мира надобно ожидать войны.“

„Также пишутъ, что значительное число ружей въ дорогѣ изъ восточной Индіи“.

Въ такомъ же смыслѣ писалъ къ нему, двумя мѣсяцами позже, и Мальцовъ:

„..... Надежда возвратитъ при теперешней войнѣ нашей съ турками, потерянные въ прошлую кампанію провинціи, Эриванскую и Нахичеванскую, побуждаетъ шаха къ враждебнымъ противъ насъ замысламъ. Онъ полагаетъ, что мы, по окончаніи войны съ турками, или завладѣемъ Азербейджаномъ, или будемъ требовать съ него, сверхъ двухъ послѣднихъ куруровъ, штрафъ за кровь Грибовдова, и потому разсчитываетъ, что ему выгоднѣе теперь, соединившись съ турками, дать два курура войскамъ и отнять у насъ потерянные провинціи. Онъ приказывалъ неоднократно Аббас-Мирзѣ напасть на пограничныя наши области и угрожалъ, въ случаѣ неповиновенія, лишить его Азербейджана.....“

И дѣйствительно, персіяне продолжали собирать войска и соединили весьма значительныя силы въ Тавризѣ. „Къ войнѣ, писалъ отъ 23-го марта гр. Паскевичъ въ Петербургъ: дѣлаются всѣ приуготовленія и я долженъ теперь же принять всѣ предосторожности, дабы сколько можно удержать персіянъ съ самаго начала отъ разоренія сосѣдственныхъ съ ними нашихъ провинцій; но главныя силы свои я

¹⁾ Два курура равны 4,000,000 руб. сер.

непремѣнно долженъ имѣть на турецкой границѣ, ибо турки не замедлятъ открыть кампанію и собираютъ весьма большое число войскъ со всѣхъ провинцій, и потому я въ необходимости нахожусь повторить, ваше сіятельство, что я не могу ручаться за совершенную безопасность вѣранныхъ мнѣ областей до присылки просимыхъ мною подкрѣпленій, которыя во всякомъ случаѣ признаю я необходимыми.

„..... Словомъ, опасенія насчетъ явнаго разрыва съ Персією возрастаютъ и ни за что нельзя ручаться“.

Но начать войну съ Персією было не въ видахъ Россіи. Къ тому же и самыя обстоятельства при тогдашней войнѣ съ Турціей, и ненадежное положеніе нашихъ Закавказскихъ владѣній, какъ это видно изъ помѣщаемаго здѣсь отношенія гр. Паскевича къ гр. Нессельроде, отъ 30-го марта, были далеко не въ нашу пользу:

„По всѣмъ соображеніямъ, хотя шаху персидскому и были извѣстны пріуготовленія къ возмущенію, жертвою коего содѣлался полномочный министръ нашъ въ Тегеранѣ, но что дѣлъ возмущенія сего состояла не въ томъ, чтобы учинить неслыханное надъ Грибоѣдовымъ злодѣяніе, а послѣдовало оно собственно для истребленія Мирзы-Якуба, который, находясь при шахѣ внукомъ весьма долго, зналъ всѣ его тайны и всѣ происшествія его гарема.

„Извѣстно мнѣ, что достоинство Россіи требуетъ возмездія за убійство нашего посланника и что явное нарушеніе правъ народныхъ не можетъ быть оставлено безъ удовлетворенія; но зная совершенно положеніе наше и обстоятельства здѣшняго края, считаю себя обязаннымъ объяснить слѣдующее:

„Если поступокъ шаха признанъ будетъ неизвиняемымъ никакими оправданіями, и если онъ представленъ будетъ таковымъ предъ лицомъ всей Европы, то необходимо должно, дабы правитель Персіи собственно въ своемъ лицѣ былъ наказанъ за неслыханное злодѣяніе, надъ посланникомъ нашимъ совершенное, и для сего должно будетъ объявить ему войну непримиримую. Но при теперешней войнѣ съ турками предпринять оную съ надеждою успѣха нѣтъ никакой возможности. Для нанесенія шаху персидскому рѣшительнаго удара надобно вторгнуться въ его владѣнія и не только занять Азербейджанъ, но даже перейти Кафлан-вухъ; но какіе способы мы для сего имѣемъ?

„Войскъ, находящихся въ семъ краѣ, недостаточно даже для веденія оборонительной войны съ обѣими державами и просимыя мною подкрѣпленія не прежде могутъ придти, какъ въ исходу сентября. Начавъ наступательную войну съ Персією, надобно везти съ собою огромные запасы провіанта, артиллерійскихъ зарядовъ и проч. въ сердце самой Персіи; но здѣшній край съ 1826 г. находится въ во-

енномъ положеніи и потому всё способы снабженія войскъ и въ особенноти транспортировки истощены совершенно до того, что и при теперешней войнѣ съ турками съ большими усиліями едва могу поднать всё тягости, нужныя мнѣ для наступательныхъ движеній.

„Если же, начавъ теперь же военныя дѣйствія противъ персіянъ, вести оныя оборонительно до окончанія войны турецкой, то симъ мы дадимъ имъ наилучшее средство приготовиться къ отчаянному сопротивленію; вторженіе наше въ Персію при наступательныхъ дѣйствіяхъ усилить внутренніе раздоры партій, что дознано прошедшею войною, но оборонительная война соединитъ всё партіи противъ общаго непріятеля, противъ коего ихъ будетъ подстрекать и собственная защита и дѣйствіе фанатизма, имѣющаго неограниченное вліяніе на народъ персидскій. Тогда война сдѣлается нескончаемою и будетъ продолжаться безъ всякой цѣли, между же тѣмъ провинціи наши будутъ разорены совершенно и собственными поставками для войскъ, и набѣгами непріятельскими.

„Итакъ, разсматривая положеніе наше съ сей точки, представляется вопросъ: не признается ли возможнымъ принять тѣ извиненія, которыя персидскій шахъ насчетъ убійства посланника нашего принести намѣренъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бунтъ въ Тегеранѣ былъ начатъ не противъ посланника, но собственно для того, дабы исторгнуть отъ него евнуха шахскаго, удержать коего при себѣ или истребить вовсе шахъ имѣлъ весьма важныя причины; опаснѣе всего доводить персіянъ до совершеннаго отчаянія. Словомъ, настоящія обстоятельства по дѣламъ Персіи требуютъ самыхъ внимательныхъ соображеній и отъ разрѣшенія вопроса: война или миръ съ сею державою? зависитъ безопасность Закавказскихъ нашихъ провинцій. Не долженъ я умолчать также, что при войнѣ съ Персіею нельзя никакъ ручаться, чтобы не возобновились тѣ же бунты и смятенія, которыя происходили въ 1826 г. во всѣхъ почти областяхъ нашихъ, и теперь уже по первому извѣстію о вооруженіяхъ персіянъ горцы оказываютъ непослушаніе. На сей разъ персіяне, конечно, не пощадятъ ни усилія, ни денегъ для возбужденія мятежниковъ, и если бунтъ возникнетъ и разольется даже въ Дагестанѣ, то имѣя двухъ непріятелей на границахъ и повсемѣстно враговъ внутреннихъ, съ трудностью можно будетъ намъ удержаться по полуденную сторону Кавказа, ибо если придутъ секурсы и число войскъ увеличится, то при общемъ бунтѣ неминуемо послѣдуетъ голодъ и прокормить ихъ будетъ нечѣмъ. Словомъ, въ семъ краѣ вести войну съ Турціею и Персіею въ одно время невозможно.

„О семь я прошу покорнѣйше ваше сіятельство довести до свѣдѣнія его императорскаго величества“.

Но еще за четыре дня до отправленія этой бумаги въ Петербургъ, гр. Нессельроде въ двухъ письмахъ, отъ 26-го марта, писалъ:

Въ первомъ. „Не взирая на безпокойные слухи, доходящіе къ вамъ непрерывно изъ Персіи, государю императору пріятно еще вѣрить, что ни Фетх-Али-шахъ, ни Аббас-Мирза не причастны злодѣйскому умерщвленію нашего министра въ Тегеранѣ. Если правительство персидское доселѣ приступаетъ съ какою-то нерѣшимостью къ мѣрамъ удовлетворенія, то сіе должно приписать боренію и происканью партій, раздражающихъ и дворъ, и государство персидское, и замедляющихъ стремленіе шаха и наслѣдника укрѣпить узы дружества съ Россією. Турецкія возни, можетъ быть, также замѣшаны въ семь дѣлъ. Между тѣмъ пересылки Аббас-Мирзы съ Эрверумомъ и воинскія приготовленія, замѣтныя въ пограничныхъ намъ персидскихъ областяхъ, кажется, можно скорѣе отнести къ страху нашего мщенія за убійство посланника, нежели къ наступательнымъ замысламъ противъ насъ со стороны персіянъ.“

„Итакъ, вѣрнѣйшее средство удержать сей народъ въ мирѣ есть показать немедленно и ясно, что мы не токмо далеки отъ мести, но твердо увѣрены въ невинности персидскаго правительства и готовы принять его торжественное оправданіе. Потому его величество вполне соизволяетъ, чтобы Мирза-Масудъ ¹⁾, если пожелаетъ сюда ѣхать, былъ съ приличіемъ безъ задержанія отправленъ, какъ равно и принцъ, когда таковой прибудетъ къ вамъ, дабы явиться сюда для объясненія (ибо приѣздомъ одного сановника, какого бы достоинства онъ ни былъ, нашъ дворъ не можетъ себя признать удовлетвореннымъ). Ваше сіятельство справедливо разсуждаете, что во всякомъ случаѣ мы чрезъ то выиграемъ время и приобрѣтемъ себѣ заложника....“

„Въ заключеніе необходимымъ нахожу я присовокупить, что несмотря на всѣ старанія наши сохранить тишину въ Персіи, враждебная намъ партія легко можетъ, при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, восторжествовать и свергнуть Персію въ бездну междоусобій, которыхъ сѣмена тамъ давно зрѣютъ. Братья наслѣднаго принца могутъ овладѣть слабымъ умомъ шаха и не только пресѣчь Аббас-Мирзѣ путь къ престолу персидскому, но и покусятся на жизнь его. Въ такомъ случаѣ государю императору угодно, чтобы вы предложили у себя прибѣжище сему принцу, ибо не предстоитъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ шахъ душевно будетъ радоваться

¹⁾ Мирза-Масудъ — секретарь и переводчикъ Аббас-Мирзы.

всему тому, что будет вклониться къ спасенію преимущественно предъ всѣми любимаго имъ сына.

Во второмъ: „...Поведеніе Аббас-Мирзы, объясненія его и самого шаха должны, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не принималъ участія въ злодѣяніи тегеранскомъ; но сія самыя объясненія заставляютъ заключать, что оное злодѣяніе учинено не случайно, по буйству черни, но есть послѣдствіе злобы и мести Аллах-Яр-хана и партіи ищущихъ гибели наслѣдника престола и отца его. Опасность, грозящая Персіи, была крайне прискорбна его императорскому величеству, ибо хотя съ вѣроятіемъ не должно теперь ожидать разрыва съ персидскимъ дворомъ, опасаться можемъ однако войны, могущей возродиться отъ междоусобныхъ раздоровъ въ томъ государствѣ, коими руководствуютъ лица, намъ враждебныя, и сія война озаботитъ насъ много по послѣдствіямъ своимъ, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе могутъ содѣлаться для насъ затруднительными. Чтобъ избѣгнуть такового положенія, должно желать, дабы Аббас-Мирза успѣлъ ниспровергнуть замыслы враговъ своихъ и восторжествовать надъ ними.

„Для достиженія однако сей спасительной цѣли достаточны ли будутъ однѣ у сего принца имѣющіяся силы? И въ противномъ случаѣ, не требуютъ ли собственныя наши выгоды дать ему подкрѣпленіе, буде средства ваши представляютъ къ тому возможность?

„Государь императоръ мысль сію ввѣряетъ совершенно соображенію вашему, уполномочивая васъ рѣшиться на то, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ покажется вамъ выгоднѣйшимъ для дѣлъ нашихъ. Чтобъ не останавливать долѣе отправленіе экстра-почты, я долженъ ограничиться тѣмъ, что выше изложено; съ отъѣзжающимъ же на дняхъ генераль-майоромъ княземъ Долгоруковымъ, который по высочайшей волѣ ѣдетъ къ вамъ для употребленія или при Аббас-Мирзѣ или индѣ, по вашему усмотрѣнію, я буду имѣть честь пространнѣе вамъ писать по разнымъ статьямъ сегодня мною полученныхъ депешъ вашихъ.

„Въ заключеніе остается мнѣ еще по повелѣнію государя императора сообщить вашему сіятельству, что по предмету доставленія вамъ нужнаго подкрѣпленія учинены уже должныя распоряженія“.

Но дѣло до войны, какъ извѣстно, не дошло и смерть Грибовьдова осталась не отмщенною. Все ограничилось приѣздомъ принца Хозрев-Мирзы, сына наслѣдника персидскаго престола, въ Петербургъ, гдѣ онъ отъ лица шаха просилъ императора предать вѣчному забвенію событія 30-го января ¹⁾.

¹⁾ Весьма интересно было бы знать, почему первоначальное предположеніе Аббас-Мирзы, ѣхать самому въ Петербургъ, равно какъ и позднѣйшее на-

На другой или на третій день послѣ умерщвленія русскаго по-
сольства, изуродованные трупы убитыхъ были вывезены за городскую
стѣну, брошены тамъ въ одну кучу и засыпаны землей. Все это, ко-
нечно, не могло сопровождаться никакимъ религіознымъ обрядомъ.
Спустя немного времени, тѣло Александра Сергѣевича было отрято,
положено въ простой гробъ и чрезъ Тавризъ отправлено въ Тифлисъ.

„Узнавъ, доносилъ изъ Нахичевани, отъ 16-го апрѣля 1829 года,
Амбургеръ графу Паскевичу: что на дняхъ привезутъ сюда тѣло по-
войнаго нашего министра, безъ всякаго приличія сану его, я почелъ
своею обязанностью приготовить здѣсь гробъ, балдахинъ и всѣ по-
требности для приличнаго сопровожденія тѣла его въ Тифлисъ. Я по-
лагаю, что распоряженіе мое необходимо и надѣюсь, что ваше сія-
тельство одобрите оное. Что же касается до издержекъ на всѣ при-
готовленія, то я употреблю потребное число денегъ изъ суммы, при-
сланной мнѣ вашимъ сіятельствомъ. Я почитаю своею обязанностью
довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что генераль-майоръ Мер-
лини всегда способствовалъ мнѣ во всемъ, какъ равно исправляющіе
должность бригаднаго адъютанта Павлоцкій и Грековъ, которые взя-
лись съ охотою исполнить подробности сей порученности“.

30-го апрѣля, покойника привезли въ Гергеры, гдѣ гробъ его ви-
дѣлъ А. С. Пушкинъ, упоминающій объ этомъ въ своемъ „Путеше-
ствіи въ Арзерумъ“; а 4-го мая Амбургеръ писалъ гр. Паскевичу:

„1-го мая, которое всегда приноситъ съ собою радость и веселіе,
было для насъ днемъ грусти и печали. Въ этотъ день, наконецъ, тѣло
покойнаго нашего полномочнаго министра въ Персіи было переправ-
лено чрезъ Араксъ. Генераль-майоръ Мерлини, полковникъ Эсан-
ханъ и многіе чиновники поѣхали на встрѣчу онаго; впередъ былъ
посланъ изъ Аббас-Абада священникъ, одинъ баталіонъ тифлисскаго
пѣхотнаго полка, съ 2-мя полевыми орудіями, какъ и здѣсь приго-
товленный балдахинъ.“

„Когда встрѣтили мы тѣло, баталіонъ выстроился въ два ряда.
Гробъ, содержащій бранные останки покойнаго Гривовъдова, находился
въ тахтиреванѣ, сопровождаемомъ 50-ю конными, подъ начальствомъ
Кейб-Али-султана, который остановился посрединѣ. Когда вынули
гробъ изъ тахтиревана и увѣрили сколько возможно, что онъ со-
держитъ тѣло покойнаго министра, отдали ему воинскую честь и от-
пѣли вѣчную память, послѣ чего положили его въ гробъ, здѣсь при-
готовленный, и поставили на дроги подъ балдахинъ. Скомацдовали

мѣреніе отправить старшаго сына своего Мамед-Мирзу съ каймакамомъ въ
Тифлисъ — было оставлено? А. В.

„на погребеніе“, и тихо и величественно началось траурное шествіе при звуках печальной музыки.

„Дроги, везомыя шестью лошадьми, накрытыя черными траурными попонами и ведомыя людьми въ траурныхъ мантияхъ и шляпахъ, которыхъ было кромѣ сихъ 12-ть человекъ, шедшіе съ факелами по обѣ стороны гроба, балдахнъ хорошо убранный—все это произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, даже на персіанъ. Кромѣ священника русскаго, выѣхало на встрѣчу покойному все духовенство армянское, вождь начальствомъ архіерея Парсеха, что еще болѣе придавало величія печальному шествію. Такимъ образомъ достигли Аланджи-чая, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

„2-го числа мая шествіе продолжалось. Когда достигли Нахичеванчайскаго моста, сдѣлали привалъ, люди одѣлись и духовенство облеклось въ ризы; русскій священникъ отслужилъ панихиду и отпѣлъ вѣчную память,—и шествіе продолжалось. Когда начинали приближаться къ городу, то вышли на встрѣчу генералъ-майоръ Мерлинн, полковникъ Эсан-ханъ, полковникъ Аргутинскій, майоръ Носковъ, я и переводчикъ Ваценко и всѣ военные и статскіе чиновники, которые находились въ Нахичевани и всѣ уже слѣдовали за гробомъ до церкви. Здѣсь офицеры сняли гробъ съ дрогъ и внесли въ церковь, откуда по отслуженіи панихиды и отпѣтіи вѣчной памяти всѣ удалились.

„Народу было неимоверное множество; мужчины, женщины и дѣти, всѣ, кажется, принимали живѣйшее участіе въ злополучной участи покойнаго и нерѣдко слышны были между ними громкія рыданія. Женщины до самаго вечера не отходили отъ церкви; только надобно замѣтить, что это по большей части были армяне и таковое участіе, конечно, дѣлаетъ честь сему народу.

„На другое утро, 3-го мая, всѣ, которые участвовали прошедшаго дня въ церемоніи, опять собрались въ церковь, отслужили обѣдню, послѣ которой архіерей армянскій Парсехъ говорилъ рѣчь; по окончаніи оной отслужилъ панихиду и отпѣлъ вѣчную память. Тутъ офицеры тифлисскаго пѣхотнаго полка попеременно со всѣми присутствующими вынесли гробъ, пронесли оный посреди въ двухъ рядахъ выстроеннаго войска, которое отдало воинскую честь, и поставили на дроги и шествіе опять тихо подвигалось впередъ. Стеченіе народа было еще большее, нежели 2-го числа; трудно было вѣрить, что Нахичеванъ содержитъ въ себѣ такое огромное народонаселеніе.

„Всѣ находившіеся въ церкви, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры провожали покойнаго до втораго источника по эриванской дорогѣ. Здѣсь сняли гробъ съ дрогъ, войско сформировало каре вокругъ

оного и священникъ русскій отслужилъ панихиду и отгѣли вѣчную память; послѣ чего мы всѣ простились съ покойнымъ, прикладываясь ко кресту на гробъ его. исполнивъ такимъ образомъ послѣдній долгъ и отдавъ послѣднюю честь покойному, всѣ возвратились въ городъ.

„Пріятно и трогательно было видѣть живое участіе, которое всѣ принимали въ несчастной кончинѣ покойнаго Грибоѣдова, и это ясно доказываетъ, что кто хотя только одинъ разъ съ нимъ повстрѣтился, уже не могъ забыть его.

„Долго еще толпы народа съ печальными лицами стояли на высотахъ, окружающихъ городъ, и весьма медленно разсыпались.

„Съ сожалѣніемъ долженъ я упомянуть, что при открытіи гроба тѣло покойнаго Александра Сергѣевича не имѣло почти никакихъ признаковъ прежняго своего изображенія; оно, повидимому, было ужасно изрублено и закидано камнями и перешло въ сильное тлѣніе, а потому и законопатили гробъ и залили нефтью.

„Тѣло препровождается отсюда чрезъ Эчмиадзинъ на Гумри и таеъ далѣе, съ командою, слѣдующею въ Джелал-Оглу, и прапорщикъ тифлискаго пѣхотнаго поля Макаровъ провозжаетъ оное до Тифлиса.

„Большое утѣшеніе, что послѣднее желаніе Грибоѣдова исполнилось, а именно, чтобы тѣло его не оставалось въ Персіи“.

Желаніе Грибоѣдова, не разъ высказанное имъ женѣ, чтобы, въ случаѣ смерти, останки его были вывезены изъ Персіи и преданы землѣ въ церкви св. Давида, — „этой поэтической“, по собственному его выраженію, „принадлежности Тифлиса“, было исполнено. Графъ Паскевичъ, изъ лагеря близъ Ахалкалакской крѣпости, отъ 21-го мая, писалъ къ экзарху Грузіи митрополиту Іонѣ:

„Покойный министръ нашъ въ Персіи, статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ при жизни изъявлялъ желаніе быть погребеннымъ въ Тифлисъ, въ церкви св. Давида.

„Тѣло статскаго совѣтника Грибоѣдова везется въ Тифлисъ. Желая исполнить волю покойнаго министра, я обращаюсь къ вашему высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою разрѣшить погребеніе тѣла въ церкви св. Давида и о томъ увѣдомить тифлискаго военнаго губернатора, которому нынѣ же, согласно съ симъ, дано мною предписаніе“¹⁾.

На препровожденіе тѣла Грибоѣдова изъ Тегерана въ Тифлисъ и на погребеніе его при церкви св. Давида, по распоряженію графа Паскевича, было израсходовано 210 червонцевъ и 2,366 руб. 90 коп. сер. Сумма эта, по высочайшему повелѣнію, была принята на счетъ

¹⁾ Грибоѣдовъ преданъ землѣ 18-го іюля 1829 года.

государственнаго казначейства (письмо графа Канкринна къ графу Паскевичу, отъ 27-го февраля 1880 г.).

Что касается до труновъ остальныхъ членовъ посольства, сдѣлавшихся жертвами событія 30-го января, то они оставались за городскою чертою до 1836 года. Въ этомъ же году, полномочный министръ нашъ графъ Симоничъ, изъ Фируз-Кухъ, отъ 3-го августа, писалъ къ главнокомандовавшему на Кавказѣ, барону Розену, слѣдующее:

(Переводъ). „Съ тѣхъ поръ, какъ я съ товарищами живу въ Тегеранѣ, мы неоднократно вспоминали съ грустью, что останки нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, павшихъ жертвою страшнаго покушенія 1829 г., находятся сложенными подъ земляною грудю вѣтъ города, вблизи большой дороги, которою мы, къ несчастію, часто должны были проѣзжать. Я имѣлъ еще въ прошедшемъ году мысль распорядиться о перенесеніи ихъ въ болѣе приличное мѣсто, но радъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ воспрепятствовалъ ея осуществленію. Въ нынѣшнемъ году я былъ болѣе счастливъ и предположеніе мое исполнилось прежде чѣмъ я присоединился къ свитѣ шаха. Заручившись добрымъ расположеніемъ знатнѣйшаго городского духовенства, а въ особенности дружбою Имама-джум'э¹⁾, мнѣ было легко, при посредничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, испросить разрѣшеніе его высочества шаха. Имамъ-джум'э, которому я сообщилъ о своемъ намѣреніи, одобрилъ и похвалилъ его. Затѣмъ, по принятіи должныхъ мѣръ, вечеромъ 12-го числа текущаго мѣсяца, баронъ Боден отправился на мѣсто, гдѣ все было приготовлено для отрягтія останковъ несчастныхъ жертвъ. При этомъ, для поддержанія должнаго по-

(Подлинникъ). Depuis que nous habitons Téhéran mes camarades et moi, nous songions avec douleur que les restes de nos malheureux compatriotes, victimes de l'affreux attentât de 1829 se trouvaient amoncelés sous un tas de terre hors de la ville, près d'une grande route que par malheur nous étions obligés de traverser souvent. L'année passée j'avais déjà eu l'idée de les faire transporter dans un lieu plus convenable, mais une suite de circonstances imprévues en empêchèrent l'exécution. Cette année j'ai été plus heureux et mon projet a pu être rempli avant mon départ pour rejoindre le Roi. Etant assuré de la bienveillance des principaux membres du clergé de la capitale, surtout de l'amitié de l'Imam-djourné, j'obtins facilement par l'entremise du ministre des affaires étrangères l'autorisation de S. M. le Schah. L'Imam-djourné auquel je fis part ensuite de mon intention, approuva cette action comme une oeuvre méritoire. En conséquence après avoir pris les mesures nécessaires le 12 de ce mois

¹⁾ Имамъ-джум'э — вмѣстѣ съ тѣмъ и муджетехидъ, отличающійся отъ послѣдняго только тѣмъ, что читаетъ по пятницамъ молитву въ главной мечети и произноситъ хутба, т.-е. хвалу Богу, пророку, шаху и проч. А. В.

рядка, присутствовали со стороны Имама-джум'э два сейда, а со стороны беглербега 6-ть феррачей, но въ толиѣ зрителей не только не проявилось никакого волненія, но даже не замѣчено и малѣйшаго неудовольствія. Армянскій священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ молитвы во все время производства работъ. Останки на 10-ти дрогахъ были перевезены въ городъ и сложены въ заранѣе приготовленный склепъ. По отслуженіи панихиды, при которой находились оба сейда, около 11-ти часовъ ночи, всѣ разошлись.

„Не могу не замѣтить при этомъ, что персіяне, допустивъ перенесеніе тѣлъ въ городъ, побѣдили предрасудокъ, котораго настойчиво придерживаются. Я самъ удивляюсь, не встрѣтивъ въ настоящемъ случаѣ и малѣйшаго затрудненія. Армянская церковь, въ которой сложены останки, находится около воротъ Шах-Абдул-Азима и вблизи мѣста ужаснаго событія“.

Въ продолженіе всего пребыванія Грибоѣдова въ Тегеранѣ супруга его оставалась въ Тавризѣ. Сначала отъ нея скрывали злополучную кончину ея мужа, тѣмъ болѣе, что она въ ту пору находилась въ интересномъ положеніи и столь неожиданное извѣстіе могло поразить ее какъ громомъ, и имѣть весьма нагубныя для нея послѣдствія.... „Удерживая Нину Александровну, писалъ Амбургеръ графу Паскевичу, отъ 10-го февраля 1829 г.: въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, я съ помощію супруги англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ, г. Кормикъ, ее сопровождаетъ и я считаю обязанностью слѣдовать съ немъ, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ“.

Кромѣ молодой жены, изъ ближайшихъ родственниковъ Грибоѣдовъ оставилъ послѣ себя мать, Анастасію Ѳедоровну, которая въ то

au soir, le Baron de Bode alla sur les lieux où tout était préparé pour l'exhumation des corps de ces malheureux victimes. Deux seïds de la part de l'Imam-djourné et six ferraches du Beglerbeg assistaient pour contenir la populace en cas de besoin, mais aucune marque non seulement de fermentation, mais même d'improbation n'a été remarquée parmi les nombreux spectateurs. Un prêtre arménien en habits sacerdotaux récitait des prières pendant qu'on y travaillait. Dix corbillards d'ossemens furent transportés en ville et déposés dans un caveau qui avait été préparé d'avance. Après un service funèbre auquel les deux seïds assistèrent, on se retira à 11 heures du soir. Il faut que je fasse remarquer à V. E. que dans cette circonstance les Persans ont passé par dessus d'un préjugé auquel ils tiennent beaucoup, en laissant transporter des corps morts dans la ville. Je suis moi même étonné de n'avoir pas rencontré sur ce point la moindre difficulté. L'Église arménienne où ces restes sont déposés se trouve près de la porte de Schah-Abdoul-Azim et non loin du théâtre de l'horrible événement.

время проживала въ Москвѣ. Не говоря уже о той невознаградившей потерѣ, какую обѣ онѣ понесли въ нѣжно любимомъ и выше всего дорогомъ для нихъ человѣкѣ, положеніе ихъ было тѣмъ болѣе грустно, что Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія, а то немногое, что онъ имѣлъ при себѣ, было разграблено и расхищено въ Тегеранѣ. Но въ судьбѣ молодой вдовы принялъ теплое участіе императоръ Николай. Вслѣдъ за полученіемъ въ Петербургѣ извѣстія объ убіеніи Грибоѣдова, графъ Нессельроде, отъ 6-го апрѣля, писалъ къ графу Паскевичу: „Государь императоръ, сохраняя глубокое чувство сожалѣнія о преждевременной и бѣдственной смерти министра нашего въ Персіи, Грибоѣдова, изволилъ принимать тѣмъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его вдовы, столь рано и столь ужаснымъ образомъ лишенной своего супруга. Побуждаемый таковыми милосердными чувствами, его императорское величество желалъ бы найти средство облегчить горестную участь г-жи Грибоѣдовой, сколько сіе возможно.

„Непремѣннымъ долгомъ поставляя увѣдомить ваше сіятельство о семъ великодушномъ намѣреніи государя императора, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою почтить меня извѣщеніемъ о томъ, какія монаршія щедроты находили бы вы приличными настоящему положенію г-жи Грибоѣдовой“.

Сообщеніе это вызвало со стороны графа Паскевича отвѣтъ, отъ 15-го мая, слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство увѣдомить меня изволили, что его императорскому величеству благоугодно знать мнѣніе мое, касательно вознагражденія жёнъ бывшаго посланника нашего при персидскомъ дворѣ, статскаго совѣтника Грибоѣдова за имущество его, разграбленное въ Тегеранѣ при его убійствѣ.

„Выѣстъ съ отношеніемъ вашимъ по саму предмету, получилъ я письмо отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства. Изъ онаго вы усмотрѣть изволите, что мать Грибоѣдова, употребивъ большую часть имущества на воспитаніе единственнаго сына, дабы сдѣлать его полезнымъ для службы, впала въ неоплатные долги и разстроила до того состояніе свое, что въ послѣдніе годы покойный удѣлялъ ей часть своего жалованья. Со смертью его лишилась и сей малой помощи; при болѣзни и старости, она остается безъ всякихъ средствъ къ содержанію.

„Жена Грибоѣдова находится въ положеніи, не менѣе плачевномъ. Получивъ пагубное извѣстіе о его смерти, она разрѣшилась прежде времени младенцомъ, который жилъ только нѣсколько часовъ. Такимъ образомъ, потерявъ все и не имѣя никакого средства, она должна испытывать всѣ нужды, съ бѣдностью сопряженныя.

„Движимая собственность Грибоѣдова, наличныя деньги и банкноты билетныя разграблены въ Тегеранѣ; все, въ чемъ состояло имущество покойнаго, составляло около 60 т. руб. асс. Четвертая часть сего имѣнія принадлежала бы по закону вдовѣ его, а остальныя три части сестрѣ Грибоѣдова, ближайшей по немъ наслѣдницѣ.

„Во исполненіе вышеизъясненнаго высочайшаго соизволенія, увѣдомляя о семъ ваше сіятельство, по милосердому вниманію всемилостивѣйшимъ государемъ въ память покойнаго Грибоѣдова оказываемому, и по заслугамъ его, которыя въ полной мѣрѣ вамъ извѣстны, осмѣливаюсь думать, что справедливо бы было, сверхъ удовлетворенія наслѣдниковъ Грибоѣдова за помннутое имущество, въ Тегеранѣ неустовою чернью расхищенное, оказать особенное пособіе двумъ ближайшимъ по родству къ покойному лицамъ—вдовѣ его и матери, въ крайнемъ положеніи находящимся, назначивъ первой изъ нихъ пожизненный пенсіонъ въ 1,000 черв. въ годъ, что составитъ 6-ю часть жалованья, получаемаго ею мужемъ; послѣдней же для заплаты хотя нѣкоторой части долговъ и во уваженіе того, что изъ предполагаемаго вознагражденія наслѣдникамъ Грибоѣдова за разграбленное его имущество по закону она не можетъ воспользоваться никакою частію, одновременно 30 т. асс.

„Всемилоостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества на судьбу родственниковъ статскаго совѣтника Грибоѣдова и собственное выше благорасположеніе, коимъ пользовался всегда покойный, обнадеживаютъ меня, что вы не откажете благосклоннымъ содѣйствіемъ вашимъ въ облегченію участи жены его и матери, въ самомъ горестномъ состояніи остающихся“.

Ходатайство гр. Паскевича было не безуспѣшное: въ январѣ слѣдующаго 1830 года получено увѣдомленіе гр. Нессельроде о назначеніи вдовѣ и матери Грибоѣдова, каждой по 5,000 руб. асс. ежегодно пенсіи и, сверхъ того, одновременно по 30 т. руб. асс. Слустя почти двадцать лѣтъ, а именно въ августѣ 1849 года, пенсія Нины Александровны, благодаря ходатайству тогдашняго намѣстника казавскаго кн. М. С. Воронцова, была увеличена 570 р. 50 к., такъ что она съ этого времени вмѣсто 5,000 руб. асс. получала 2,000 р. сер. (письмо гр. Вронченко къ кн. Воронцову, отъ 19-го августа 1849 г.).

Нина Александровна, вѣрная первой любви и драгоцѣнной памяти перваго своего супруга, осталась вдовою до самой смерти, послѣдовавшей лѣтомъ 1857 года. Она скончалась отъ холеры и погребена при церкви св. Давида, рядомъ съ мужемъ.

Выше мы упомянули, что изъ всѣхъ членовъ нашего посольства удалось спастись одному только Мальцову, состоявшему при Грибоѣдовѣ въ качествѣ перваго секретаря. Для полноты разсказа считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ, какъ онъ могъ избѣжать пеминуемой смерти въ описанномъ поголовномъ избіеніи посольства.

Будучи еще молодыхъ лѣтъ и одаренъ весьма счастливыми способностями, Мальцовъ познакомился въ Тегеранѣ съ нѣкимъ ханомъ, жившимъ въ смежности съ домомъ, который занималъ Грибоѣдовъ и часто его навѣщавшимъ. Рассказываютъ, что ханъ этотъ до того полюбилъ и привязался къ Мальцову, что предупрежденный объ опасности, угрожавшей русскому посольству, рѣшился спасти своего пріятеля. Въ этихъ видахъ ему удалось уговорить Мальцова, въ самый день убіенія Грибоѣдова, перелѣзть чрезъ крышу и укрыться въ его домѣ. Предложеніе было принято и Мальцовъ избѣгъ роковой участи.

Фетх-Али-шахъ думалъ-было удержать Мальцова въ Тегеранѣ и просить государя назначить его полномочнымъ министромъ, „но англійскій посланникъ,—писалъ Аббас-Мирза къ Мирза-Салеху: и Амбургеръ предпочли лучше его не удерживать, почему и просилъ я шаха оказать ему всѣ почести и отправить сюда“ (въ Тавризъ).

По прибытіи въ Тифлисъ, Мальцовъ до окончанія войны нашей съ Турціей былъ оставленъ въ распоряженіи гр. Паскевича (письмо гр. Нессельроде, отъ 23-го апрѣля 1829 года). Когда же Амбургеръ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ, вызванныхъ его болѣзнию, былъ уволенъ къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, для пользованія, ему было поручено исправленіе должности генеральнаго консула въ Тавризѣ, гдѣ онъ и оставался до возвращенія Амбургера въ концѣ марта 1830 года. Затѣмъ Мальцовъ навсегда оставилъ Персію, и уѣхавъ въ Петербургъ, продолжалъ службу при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Ад. Верже.